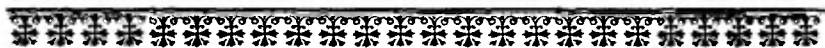

Спасский А. А. Из архива А. В. Горского: I. Эпизод из истории описания славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки // Богословский вестник 1900. Т. 3. № 11. С. 475–515 (2-я пагин.).

ИЗЪ АРХИВА А. В. ГОРСКАГО ¹⁾

I. Эпизодъ изъ исторiи описанiя славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библиотекы.

Высокия ученыя достоинства составленнаго А. В. Горскимъ и К. И. Невоструевымъ описанiя славянскихъ рукописей Московской Синодальной библиотекы и важное значенiе его для русской историко-филологической науки въ настоящее

¹⁾ После смерти А. В. Горскаго все оставшiяся после него бумаги, на основанiи предсмертнаго завещанiя его, поступили въ собственность Московской дух. Академiи и въ рукописномъ отдѣленiи ея библиотекы составили особое собранiе, обычно называемое „*архивомъ А. В. Горскаго*“. По своему содержанию этотъ архивъ чрезвычайно разнообразенъ: въ него входитъ все, что случайно или по какимъ либо побужденiямъ можетъ сохраняться у человека дѣловаго, всегда занятаго, у котораго часто не было времени, чтобы уничтожить ненужный бумажный хламъ, и который съ другой стороны самъ никогда не думалъ собирать что-нибудь для потомства на память о себѣ. Тутъ есть и цѣльные курсы лекцiй, читанныхъ А. В. въ разное время, и мелкiя замѣтки летучихъ мыслей на бумажныхъ обрывкахъ, обширная переписка съ разными лицами, студенческiя сочиненiя, правленныя Горскимъ, выписки изъ иностранныхъ книгъ, копии съ замѣчательныхъ, иногда очень интересныхъ документовъ, цѣлая масса конспектовъ, записокъ, черновыхъ работъ и т. п. Значительная доля болѣе цѣннаго материала уже извлечена изъ архива Горскаго и стала достоянiемъ всей читающей публики: таковы напр. „Дневникъ“ Горскаго, письма къ нему двухъ Филаретовъ—Московскаго и Черниговскаго, курсъ лекцiй по евангельской и апостольской исторiи и пр. Кое-что изъ остающагося въ архивѣ, имѣющее общее значенiе, еще ждетъ своего издателя и, безъ сомнѣнiя, не замедлитъ дожидаться. Большая же часть бумагъ, конечно, осуждена навсегда лежать на мѣстѣ, такъ какъ она исключительно касается личности ихъ автора и его ученой, кабинетной дѣятельности; не смотря на то, что этотъ отдѣлъ архива

время безусловно признаются всѣми, кто имѣлъ случай и надобность такъ или иначе ознакомиться съ этимъ замѣчательнымъ произведеніемъ русской учености. Но едва-ли кому-нибудь теперь извѣстно, что было время, когда Описанію, выполненному уже въ главной своей части, грозила печальная участь остаться, если не на всегда, то на долго, въ портфель его авторовъ, когда то, что даетъ этому труду право занять почетное мѣсто въ ряду лучшихъ памятниковъ обще-европейской науки,—широта и методичность постановки дѣла и повизна выводовъ,—едва не послужило главнымъ препятствіемъ къ опубликованію его въ печати. Оказывается, что существовало официальное предложеніе—исключить изъ Описанія, при печатаніи его, весь ученый, историко-критическій аппаратъ и самое Описаніе обратить въ простой указатель славянскихъ рукописей Синодальной бібліотеки, безъ всякаго изслѣдованія о составѣ ихъ и происхожденіи,—въ указатель, который, конечно, могъ-бы имѣть свое практическое значеніе, но для науки не давалъ бы ровно ничего. Съ этимъ любопытнымъ эпизодомъ изъ исторіи описанія Синодальныхъ рукописей знакомятъ насъ два документа, хранящіеся въ академическомъ архивѣ А. В. Горскаго, доселѣ не появлявшіеся въ печати и мало кому извѣстные, о которыхъ, вѣроятно, знали только немногіе и изъ современниковъ А. В.-ча. Одинъ изъ этихъ документовъ содержитъ въ себѣ *конію* съ отзыва члена С.-Петербургскаго духовно-цензурнаго Комитета, архимандрита Іоанна (Соколова)—впослѣдствіи епископа Смоленскаго, а тогда инспектора С.-Петербургской дух. Академіи,—о первой части Описанія славянскихъ рукописей Синодальной бібліотеки, представленной Митрополитомъ Филаретомъ въ Синодъ для разрѣшенія къ печати и, по порученію Синода, разсмотрѣнной Іоанномъ. Другой является отвѣтомъ составителей Описанія, А. В. Горскаго и К. П. Невоструева, на цензорскій от-

уже достаточно использованъ разными лицами, интересовавшимися Горскимъ, тотъ, кто снова займется изученіемъ этой многосодержательной личности, всегда найдеть здѣсь не мало данныхъ для новыхъ наблюдений и соображеній.

Пользуясь случаемъ исполнившагося двадцатипятилѣтія со дня кончины А. В. Горскаго, предлагаемъ вниманію читателей нѣсколько извлеченій изъ его архива, не лишенныхъ общаго интереса.

звѣвъ, обсуждаетъ его замѣчанія и защищаетъ Описание отъ цензорскихъ возраженій. Этотъ второй документъ сохранился въ нѣсколькихъ черновыхъ экземплярахъ съ помарками, поправками и дополненіями А. В. Горскаго, при чемъ въ экземплярѣ, заключающемъ окончательную редакцію его, въ какой онъ былъ посланъ въ св. Синодъ, имѣется слѣдующая надпись, сдѣланная карандашемъ неизвѣстною рукою и позднѣе составленія документа: „Апология Описанія славянскихъ рукописей Синодальной бібліотеки и Слово обличительное на отца Іоанна (нынѣ ректора Казанской духовной Академіи ¹). Писано въ 1853 году ²)“.

Ниже мы помѣщаемъ оба эти замѣчательные документа въ полномъ видѣ, а теперь скажемъ нѣсколько словъ въ объясненіе ихъ происхожденія.

Какъ извѣстно, описаніе рукописей Синодальной бібліотеки было предпринято Горскимъ и Невоструевымъ по инициативѣ Митрополита Филарета и выполнялось подъ его непосредственнымъ контролемъ и руководствомъ. И надо поставить великому Митрополиту въ особую заслугу предъ русской наукой то, что онъ не только понялъ важность и необходимость описанія книжныхъ сокровищъ, хранящихся въ Синодальной бібліотекѣ, но самъ сталъ во главѣ этого дѣла, обезпечивъ тѣмъ благополучный его исходъ. Не будь этого условія, не оказись во главѣ всего предпріятія такое мощное и авторитетное лицо, какъ Филаретъ, описаніе синодальныхъ рукописей, даже если бы оно было выполнено тѣми же—Горскимъ и Невоструевымъ, едва-ли бы скоро увидѣло свѣтъ, да безъ сомнѣнія и появилось бы не въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ теперь.

Въ то время, какъ Горскій и Невоструевъ приступали къ своему грандіозному предпріятію, изученіе древнихъ памятниковъ нашей исторіи стояло уже на достаточно твердой почвѣ; однако, среди людей, заправлявшихъ внѣшними судьбами науки, было не мало такихъ лицъ, которые не вполне одобрили-

¹) Эта замѣтка показываетъ, что вся надпись была сдѣлана въ 1857—1864 г., когда Іоаннъ состоялъ ректоромъ Казанской Академіи.

²) Кромѣ этой позднѣйшей приписки, въ обоихъ документахъ нѣтъ болѣе никакихъ ни надписей, ни подписей. Имя Іоанна нигдѣ не упомянуто,—ни въ рецензіи, ни въ аполוגіи; точно также нигдѣ не названы по имени Горскій и Невоструевъ.

ными глазами смотрѣли на это стремленіе къ возстановленію русской старины во всей ея, иногда очень неприглядной, подлинности. Объективно-историческая точка зрѣнія на прошлое только что начала раскрываться и усвоивалась съ трудомъ, и точное воспроизведеніе памятниковъ древней жизни многимъ казалось ничѣмъ неоправдываемымъ укоромъ старинѣ, ударомъ для національной гордости и лишнимъ поводомъ къ нареканіямъ и недовольству. Особенно зорко слѣдила за этимъ теченіемъ въ нашей наукѣ тогдашняя духовная цензура. Въ архивныхъ документахъ, обрисовывающихъ прошлую жизнь нашей церкви, конечно, не все и не всегда совпадало съ наличнымъ порядкомъ вещей, а напротивъ многое уклонялось отъ него,—и въ этомъ усматривали серьезную опасность для интересовъ церкви. Боялись всего,—боялись „сужденій иномыслящихъ“, боялись раскола, боялись, наконецъ, „соблазна“ и для правовѣрныхъ членовъ церкви ¹⁾. Изученіе самыхъ архивовъ не запрещалось безусловно; за то строго блюли за тѣмъ, чтобы результаты этого изученія не выходили за предѣлы кабинетной учености и не дѣлались общимъ достояніемъ публики. Какъ наша духовная цензура относилась къ изданію въ печати древнерусскихъ церковныхъ памятниковъ, объ этомъ хорошо свидѣтельствуется случай съ Остромировымъ Евангеліемъ, происшедшій не задолго до появленія въ свѣтъ Описанія Синодальной бібліотеки. Изданіе этого древнѣйшаго памятника славяно-русской литературы (XI в.) задумано было извѣстнымъ знатокомъ нашихъ древностей, А. Х. Востоковымъ, по порученію Академіи Наукъ и на ея средства; въ немъ были заинтересованы нѣкоторые высокопоставленные лица; самъ Оберъ-Прокуроръ Св. Синода, графъ Протасовъ стоялъ на сторонѣ его; но при всемъ томъ требовалось еще особое разрѣшеніе Св. Синода. Когда рукопись Евангелія была из-

¹⁾ Впрочемъ, не нужно думать, что эта точка зрѣнія составляла собой исключительную принадлежность духовной цензуры. Она раздѣлялась и представителями т. н. свѣтскаго образованія. Такъ, напр., когда 1 часть Описанія Синодальной бібліотеки вышла изъ печати, извѣстный *Безсоновъ* печатно призналъ ея выводы оскорбительными для нашей древности и соблазнительными для современнаго общества. Отз. Безсонова см. въ Русс. Бес. 1857: отвѣтъ на него К. Невоструева въ Сборникъ отдѣл. рус. яз. и слов. Акад. Наукъ, т. VII.

готовлена Востоковымъ и представлена въ Синодъ, то, слѣдую общему порядку, Синодъ отдалъ ее на разсмотрѣніе С.-Петербургскому духовно-цензурному Комитету, а Комитетъ въ 1841-мъ году вошелъ снова въ Синодъ съ особымъ докладомъ по вопросу печатанія Остромирова Евангелія, очень характернымъ для цензурныхъ взглядовъ того времени. Указывая на несходство Остромирова Евангелія съ печатными, славянскимъ и греческимъ, текстами, на добавки и опущенія въ мѣсяцесловахъ рукописи и на неудобства надписей при изображеніи Евангелистовъ ¹⁾, Комитетъ въ этомъ докладѣ полагалъ, что Остромирово Евангеліе по рукописи Востокова можетъ быть допущено къ печатанію лишь подѣ тѣмъ условіемъ, если издатель присоединитъ замѣчанія на всѣ несходныя съ принятымъ текстомъ мѣста Евангелія, избретъ греческій текстъ болѣе близкій къ Остромирову Евангелію и объяснитъ разности въ мѣсяцесловѣ. Комитетъ духовной цензуры, какъ видимъ, не запрещалъ безусловно изданія Остромирова Евангелія, но обставлялъ его такими условіями, которыя были по существу дѣла почти невыполнимы. Не говоря о томъ, что рѣшеніе Комитета возлагало новые, еще болѣе тяжелые труды на издателя, оно неопредѣленностью своихъ требованій не давало основаній надѣяться на желательный исходъ и въ томъ случаѣ, если требованія эти будутъ удовлетворены, такъ какъ Комитетъ могъ снова выставить противъ нихъ свои возраженія. Работу Востокова спасли заступничество графа Протасова и ясный взглядъ Митрополита Филарета. Протасовъ обратился къ Московскому Владыкѣ съ запросомъ по поводу доклада, и Филаретъ формулировалъ свое рѣшеніе въ слѣдующихъ замѣчательныхъ положеніяхъ: 1) невозможно ожидать, чтобы текстъ XI в. былъ буквально сходенъ съ текстомъ XVIII ст.; 2) греческаго текста, утвержденнаго для всеобщаго употребленія, нѣтъ, и потому отъ издателя можно требовать только того, чтобы онъ избралъ хорошее греческое изданіе, а онъ это сдѣлалъ; 3) нѣтъ никакой бѣды, что въ мѣсяцесловѣ встрѣчаются разности; это бываетъ и въ другихъ мѣсяцесловахъ; 4) несообразности при изображеніи Еванг. Луки

¹⁾ Имѣлась въ виду главнымъ образомъ надпись надъ изображеніемъ Еванг. Луки: *силъ образомъ тельцемъ Духъ Святый явися Луцѣ.*

опустить нельзя, такъ какъ это сдѣлала бы вредъ точному воспроизведенію памятника. Оспаривать резолюцію Филарета по многимъ причинамъ было трудно, и Остромирово Евангеліе удостоилось разрѣшенія къ печати ¹⁾.

Подлинная рукопись Остромирова Евангелія принадлежала (какъ и теперь принадлежитъ) С.-Петербургской публичной библіотекѣ ²⁾, куда доступъ былъ открытъ болѣе или менѣе всѣмъ на равныхъ правахъ. Однако, если и здѣсь научное изслѣдованіе древне-церковныхъ памятниковъ наталкивалось на почти непреодолимыя препятствія (такъ какъ, вѣдь, не всякій могъ рассчитывать на помощь Филарета), то тѣмъ труднѣе было пользоваться такимъ единственнымъ по своей важности книгохранилищемъ, какъ Синодальная библіотека. Владѣя рѣдкими книжными сокровищами, скопленными въ теченіе вѣковъ, Синодальная библіотека долго оставалась недоступной ученому міру и давно дразнила его любопытство. Мысль объ описаніи ея славянскихъ памятниковъ для общаго свѣдѣнія и пользы научной была высказана еще въ 1816-мъ году, но не такъ легко было осуществить эту мысль, какъ высказать ее. Духовное начальство ревниво берегло библіотеку и неохотно отворяло ея двери для постороннихъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда къ этому вынуждало вмѣшательство вліятельныхъ лицъ. Такъ, въ 1824-мъ году Калайдовичу удалось было чрезъ графа Румянцева получить разрѣшеніе пачать описаніе славянскихъ рукописей, но его занятія въ библіотекѣ продержались какъ разъ столько времени, пока живъ былъ его меценатъ. Чрезъ два года гр. Румянцевъ умеръ, и работы Калайдовича не только не увидѣли своего конца, но и не были изданы въ той части, въ какой исполнены ³⁾. Самъ Митрополитъ Филаретъ, такъ прекрасно высказавшійся по поводу изданія Остромирова Евангелія, на Синодальную библіотеку смотрѣлъ другими глазами,—и для него это была церковная библіотека, которая должна служить прежде всего ин-

¹⁾ Подробности этой исторіи см. въ журналъ „Библіографическія Записки“, изд. Шибанова, Москва, 1892, 3, 167—172.

²⁾ Она была подарена библіотекѣ Императоромъ Александромъ Павловичемъ.

³⁾ См. записку Н. Срезневскаго въ Сборникѣ отдѣл. рус. яз. и слов. Ак. Наукъ, вып. VII, 30. 31.

тересамъ церкви и куда доступъ не можетъ быть открытъ всякому желающему. „Невѣрное и неосмотрительное употребленіе древнихъ документовъ, — писалъ онъ при одномъ случаѣ. — относящихся до церковныхъ догматовъ, церковнаго законодательства, ученія и церковной исторіи, можетъ произвести соблазнъ и дать пищу лжеученіямъ“. Исслѣдовать такого рода документы, изучать библіотеку въ должномъ направленіи, по мысли Филарета, правоспособны только люди съ специальной богословской подготовкой, „свѣдующіе въ церковныхъ догматахъ и законоположеніяхъ“, да и они могутъ это дѣлать не иначе, какъ „подъ ближайшимъ надзоромъ духовнаго начальства¹⁾“. По этому, онъ подозрительно встрѣчалъ попытки „чужихъ людей“ проникнуть въ эти сокровища и воспользоваться ими. Филаретъ, по его собственнымъ словамъ, давно думалъ о составленіи „отчетливаго Описанія“ рукописей Синодальной библіотеки и понималъ общую нужду въ немъ, — понималъ, что „за недѣланіе его могутъ укорить“²⁾, но быть можетъ это его намѣреніе и не осуществилось бы такъ скоро, если бы не вынудили его къ тому внѣшнія обстоятельства. Пришло время, когда задерживать открытіе библіотеки для науки стало неудобнымъ и для Филарета. Чѣмъ глубже и дальше шло у насъ изученіе памятниковъ древне-русской жизни, тѣмъ яснѣе чувствовалась нужда воспользоваться наиболѣе цѣннымъ ихъ собраніемъ и тѣмъ сильнѣе становились голоса, требовавшіе ученаго, обслѣдованія Синодальныхъ рукописныхъ сокровищъ. Въ обществѣ и печати раздались обвиненія на духовное вѣдомство въ косности и нерадѣннѣ, упреки въ пренебреженіи къ интересамъ русской наукѣ³⁾. Въ 1848 году М. П. Погодинъ, въ своей рецензіи объ описаніи библіотеки Н. Царскаго, сдѣланномъ П. М. Строевымъ, печатно призывалъ

1) Собраніе мнѣній и отзывовъ Митр. Филарета, доп. т., стр. 277—285.

2) Письма Митр. Филарета къ арх. Тверск. Алексію, М. 1823, стр. 45. 46.

3) Пресов. Филаретъ Гумилевскій, узнавъ о данномъ А. В. Горскому порученіи описать Синодальную библіотеку, писалъ къ нему: это — „новость, и новость весьма орадная и пріятная. Дѣло какъ очевидно для всѣхъ, весьма нужное. дѣло такое, которое давно слѣдовало сдѣлать. Сколько упрековъ проглочено? Пожалуйста“ и пр. Письма Филарета Черниговскаго къ А. В. Горскому, М. 1885, стр. 242.

послѣдняго заняться Синодальной библіотекой и тѣмъ, „воздвигнуть себѣ памятникъ ¹⁾“, но еще ранѣе этого призыва Погодина, въ завѣтную библіотеку успѣлъ проникнуть извѣстный библіографъ В. М. Ундольскій и началъ собирать матеріалы для ея описанія, которое предполагалось помѣщать въ чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей ²⁾. Энергичные шаги „чужихъ людей“ встревожили Митрополита Филарета, и онъ принялъ рѣшительныя мѣры. 6-го Мая 1849 года, въ извѣстномъ письмѣ къ тогдашнему ректору Московской Академіи Архимандриту Алексѣю, онъ распорядился „удержать отъ прощупанія, безъ представленія Синоду, если что-нибудь появится въ этомъ родѣ“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предложилъ Горскому заняться этимъ дѣломъ ³⁾.

Взявъ на себя инициативу такого важнаго и давно ожидаемаго предпріятія, какъ описаніе Синодальной библіотеки, Филаретъ постарался обезпечить его съ той стороны, которая наиболѣе внушала ему опасеній. А. В. Горскій былъ, конечно, такой человѣкъ, за котораго можно было поручиться, что изъ-подъ пера его не выйдетъ ничего, что дѣйствительно могло бы „произвести соблазнъ и дать пищу лжеученіямъ“. Но этого было мало. Описаніе должно было раскрыть собой всѣ книжныя тайны библіотеки, должно было ознакомить съ новыми фактами, повести къ новымъ выводамъ. При недостаточно развитомъ у насъ историческомъ пониманіи, при подозрительномъ отношеніи къ опубликованію древнихъ документовъ, эти стороны описанія могли вызвать нежелательныя послѣдствія, породить тотъ соблазнъ, котораго такъ боялся Филаретъ, и пожалуй погубить все дѣло. Для предупрежденія этихъ возможностей недостаточно было одного ученаго авторитета составителей описанія. Митрополитъ блистательно разрѣшилъ эту задачу. Все дѣло описанія онъ поставилъ подъ свое непосредственное руководство и контроль и официально принять на себя отвѣтственность за его характеръ и результаты. Въ указѣ Св. Синода отъ 30 іюля 1849 г., разрѣшавшемъ приступить къ описанію Синодальной библіотеки, на Московскаго Митрополита,—разу-

¹⁾ Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 10, стр. 472.

²⁾ См. записку Срезневскаго въ Сборникѣ Ак. Наукъ, VII, стр. 32.

³⁾ Письма Митр. Филарета къ Алексѣю, тамъ же.

мѣется, съ вѣдома и согласія его,—возлагалось „подробное распредѣленіе занятій между Горскимъ и Невоструевымъ, *главное руководство* въ сихъ занятіяхъ, разрѣшеніе могущихъ встрѣтиться вопросовъ въ затруднительныхъ случаяхъ и самое пополненіе плана описанія, если въ томъ встрѣтится надобность 1)“. Переписка А. В. Горскаго и К. И. Невоструева 2), а также и другіе документы, хранящіеся частью въ архивѣ Горскаго, а частью въ Синодальной бібліотекѣ, наглядно удостовѣряютъ, что это главное руководство Филарета въ описаніи бібліотеки было не формальнымъ только, начальническимъ надзоромъ за работами описателей, но постояннымъ и непосредственнымъ соучастіемъ въ нихъ. Все дѣло описанія организовано было такъ, что каждый болѣе или менѣе значительный вопросъ подвергался обслѣдованію по предварительномъ обсужденіи его съ Филаретомъ и окончательно рѣшался только послѣ его одобренія. Сначала А. В. Горскимъ вырабатывался общій планъ описанія извѣстной группы славянскихъ рукописей, намѣчались основные пункты, какіе нужно имѣть въ виду при изученіи рукописей, составлялась обстоятельная программа работы,—и все это шло на разсмотрѣніе и одобреніе Филарета 3). За каждую истекшую треть года обоими описателями представлялись Митрополиту отчеты о сдѣланныхъ за это время работахъ которые затѣмъ отсылались въ Синодъ 4). К. И. Невоструевъ обязывался еще къ ежемѣсячному письменному отчету о движеніи дѣла и относилъ ихъ къ Филарету обыкновенно перваго числа. Нѣкоторыя рукописи Митрополитъ требовалъ къ себѣ и прочитывалъ самъ. Точно также онъ прочитывалъ

1) Копія указа находится въ архивѣ А. В. Горскаго.

2) Переписка А. В. Горскаго и К. И. Невоструева представляетъ собой богатѣйшій матеріалъ для исторіи описанія Синодальной бібліотеки. Она заключаетъ въ себѣ болѣе 500 писемъ А. В. Горскаго и около 650 писемъ Невоструева. Началась она еще въ 1840 г. и продолжалась до 1872 г. Такъ какъ при описаніи бібліотеки Невоструевъ работалъ въ Москвѣ, а Горскій—въ Сергіевомъ посадѣ, то имъ почти каждую недѣлю приходилось сноситься между собой письменно. Поэтому, ходъ работъ по описанію отразился въ этихъ письмахъ шагъ за шагомъ, со всѣми подробностями,—внѣшними и психологическими.

3) Эти программы съ резолюціями Митрополита хранятся въ акад. архивѣ А. В. Горскаго.

4) Черновики этихъ отчетовъ также имѣются въ архивѣ.

предварительно и описанія болѣе важныхъ манускриптовъ, дѣлалъ о нихъ свои замѣчанія и иногда просилъ переработывать ихъ ¹⁾. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія охранительныхъ задачъ, дѣло описанія Синодальной библиотеки было поставлено въ самыя благопріятныя условія. Описаніемъ руководилъ высшій членъ русской іерархіи и все въ немъ совершалось съ его вѣдома, разрѣшенія и одобренія ²⁾. При такихъ исключительныхъ условіяхъ, казалось, уже не было ни малѣйшихъ основаній беспокоиться, что результаты описанія не совпадутъ съ интересами церкви, что трудъ, составляемый подъ контролемъ всеми признаннаго авторитета, не достигнетъ благополучнаго исхода. Однако, и теперь на дѣлѣ случилось не то.

Занятія въ Синодальной библиотекѣ были начаты Горскимъ и Невоструевымъ въ Сентябрѣ 1849 года съ изученія рукописей, содержащихъ въ себѣ славянскіе списки Св. Писанія. Важность манускриптовъ этого рода, широта намѣченныхъ въ отношеніи къ нимъ задачъ, естественные при началѣ дѣла недосмотры во внѣшней и внутренней его постановкѣ,—все это затянуло работу надолго. Описаніе славянскихъ кодексовъ Св. Писанія было изготовлено, не безъ нарочитыхъ побужденій со стороны Митрополита, только къ осени 1852 года, т. е. чрезъ три года усидчивыхъ и постоянныхъ занятій. Не смотря на то, что въ этой части Описанія каждая деталь была извѣстна Филарету, онъ не рѣшился своею властью пустить ее въ печать. Для пользы всего дѣла онъ находилъ нужнымъ обратиться въ Св. Синодъ и отъ него получить одобреніе къ напечатанію. При свиданіи съ

¹⁾ Указанія на все это есть въ перепискѣ А. В. Горскаго и К. И. Невоструева. За бумажною отчетностью Филаретъ не забывалъ и личнаго общенія съ описателями. Конфузливому провинціалу К. И. Невоструеву, онъ съ самаго же начала внушалъ, чтобы тотъ ходилъ къ нему чаще „не дичась и не церемонясь“ (Письмо К. И. Невоструева къ А. В. Горскому отъ 13 окт. 1849 г.).

²⁾ Въ нашей литературѣ посвященной Митр. Филарету, это участіе его въ составленіи описанія остается пока недостаточно отмѣченнымъ и неизученнымъ детально. Между тѣмъ этотъ вопросъ заслуживаетъ вниманія,—тѣмъ болѣе, что имѣются и обильные матеріалы для него. Было бы напр. любопытно опредѣлить то, какъ отразилось его начальническое руководство на составѣ и характерѣ Описанія? А что оно отразилось, это показываетъ уже переписка Горскаго и Невоструева.

К. И. Невоструевымъ, объясняя ему свое намѣреніе, Митрополитъ добавилъ: „при послѣднемъ (т. е. при одобреніи Синода) дѣло будетъ яснѣе и намъ веселѣе ¹⁾“. Бѣловой экземпляръ первой части Описанія былъ представленъ въ Москву А. В. Горскимъ въ первыхъ числахъ Сентября ²⁾, а въ срединѣ этого мѣсяца онъ послалъ уже въ Синодъ „съ одобреніемъ Митрополита и предложеніемъ напечатать его ³⁾“. А. В-чъ привѣтствовалъ рѣшеніе Митрополита, какъ „счастливый задатокъ для будущаго ⁴⁾“ и надѣялся, что въ Петербургѣ труды ихъ найдутъ себѣ снисходительныхъ цѣнителей ⁵⁾... Но сверхъ всякихъ ожиданій здѣсь все дѣло приняло совсѣмъ другое направленіе. Св. Синодъ, не удовольствовавшись отзывомъ и рекомендаціей Митрополита Филарета, рѣшилъ подвергнуть первую часть Описанія новому разсмотрѣнію и для этого передалъ ее архимандриту Іоанну ⁶⁾. Выборъ цензора былъ крайне неблагопріятный. При блестящихъ способностяхъ, — характеризуетъ его проф. Знаменскій ⁷⁾, — отличныхъ литературныхъ талантахъ и критическомъ умѣ, Іоаннъ очень рано составилъ о себѣ славу, какъ о человѣкѣ гордомъ, педоступномъ и чрезмѣрно самовластномъ. Какъ цензоръ, онъ отличался двумя, хорошо знакомыми тогда] многимъ чертами: крайнею при-

1) Письмо К. И. Невоструева къ А. В. Горскому отъ 20 Мая 1852 г.

2) Письмо А. В. Горскаго къ Невоструеву 2 Сент. 1852 г.

3) Письмо Невоструева къ Горскому отъ 22 Сент. 1852 г.

4) Письмо А. В. Горскаго къ Невоструеву 24 Мая 1852.

5) Письмо А. В. Горскаго къ К. И. Неву 26 Сент. 1852.

6) Сообщаемъ біографическую справку объ Іоаннѣ.—Іоаннъ (въ мѣрѣ Владиміръ Сергѣевичъ) Соколовъ, сынъ Московскаго священника (род. 1818 г.), былъ воспитанникомъ Московской Семинаріи и Академіи, по окончаніи которой (1842 г.) тотчасъ же принялъ монашество. Сначала состоялъ бакалавромъ въ Московской Академіи, а въ 1844 г. переведенъ былъ на ту же должностъ въ С.-Петербургскую Академію, въ 1848-мъ году назначенъ былъ членомъ С.-Петербургскаго Комитета духовной цензуры съ 1851 сдѣланъ инспекторомъ Академіи. Въ 1852 получилъ званіе ординарнаго профессора; въ 1855 году переведенъ былъ въ ректора С.-Петербургской Семинаріи, а въ 1857 г. въ ректора Казанской Духовной Академіи. Въ 1864 г. назначенъ ректоромъ С.-Петербургской Академіи. въ 1865 посвященъ въ епископа Выборскаго, викарія С.-Петербургскаго Митрополита; въ 1866 получилъ самостоятельную кафедру, гдѣ и умеръ скоропостижно 17 Марта 1869 г.

7) См. Исторія Казанской Духовной Академіи, Казань, 1891, стр. 136 сл.

дирчивостью и полнымъ неуваженіемъ къ чужимъ мыслямъ, и съумѣлъ вооружить противъ себя даже самыхъ безобидныхъ людей ¹⁾. И къ порученной ему на разсмотрѣніе первой части Описанія онъ отнесся съ обычными ему приѣмами. Трудно сказать, что побудило Іоанна выступить противъ несомнѣнно полезнаго труда, научную важность котораго онъ самъ хорошо видѣлъ: свойственное-ли ему самолюбіе, желаніе ли строгостью цензорскихъ требованій обратить на себя вниманіе начальства, или дѣйствительное убѣжденіе въ преждевременности такихъ изданій для русскаго общества ²⁾; но во всякомъ случаѣ его рецензіи нельзя отказать ни въ діалектическомъ искусствѣ, ни въ литературной ловкости. Ученыхъ заслугъ Описанія онъ не отвергаетъ, — да и возможно ли было отвергать ихъ? За то съ избобрѣтательностью, достойной лучшаго дѣла, въ этой именно учености онъ находитъ опасность для церкви и въ своемъ отзывѣ принимаетъ на себя обязанность предупредить ее. Два пункта въ Описаніи кажутся ему особенно неблаговидными: Описаніе показываетъ, что 1) во всемъ множествѣ славянскихъ списковъ Св. Писанія, разсмотрѣнныхъ въ немъ, нѣтъ ни одного исправнаго, и что 2) полное собраніе Ветхозавѣтныхъ книгъ въ славянскомъ языкѣ у насъ появилось только въ XV вѣкѣ,

¹⁾ Пресв. Филаретъ Гумилевскій въ письмѣ къ Иннокентію такъ отзывается о Іоаннѣ по поводу цензорскихъ замѣчаній послѣдняго на V-й томъ его исторіи Русской Церкви: „завосчивый юноша далъ такъ много предписаній, что нелегко и смиряющемуся самолюбію покориться имъ. Видно, что высшее начальство сочло нужнымъ поучить меня смиренію, что прислало мнѣ приказы, писанные малограмотною опытностью“ (Матеріалы для біографіи Иннокентія, вып. 1, стр. 144, письмо XLVIII). Еще болѣе рѣзко говоритъ пр. Филаретъ объ Іоаннѣ въ одномъ письмѣ къ А. В. Горскому: „выслушивать и принимать замѣчанія завосчивости, по мѣстамъ вовсе не знающей дѣла,—очень тяжело. Никакъ не могу объяснить себѣ, какъ молодой мѣсяхъ, мало, очень мало знакомый съ исторіей русской церкви, дозволяетъ себѣ быть столько завосчивымъ, дерзкимъ и глупо-повелительнымъ? Онъ не допускаетъ и мысли той, что другіе могутъ и болѣе его знать и дѣльнѣе его разсуждать“. Письмо Филарета Черниговскаго къ А. В. Горскому, № 121. Твор. Св. ОО. 1885. 4. 447.

²⁾ При всей своей широкой образованности и начитанности Іоаннъ не сочувствовалъ и не одобрялъ нѣкоторыхъ передовыхъ теченій своего времени, самихъ по себѣ вполне законныхъ; см. напр. его статью о монашествѣ епископовъ, или еще: проповѣдь о свободѣ слова.

при чемъ въ него вошли заимствованія изъ Вульгаты, изъ латинскихъ и даже нѣмецкихъ изданій. Первый тезисъ онъ считаетъ укоризной на русскую церковь, раждающей мысль, что „въ продолженіи столькихъ вѣковъ“ наша церковь не имѣла Слова Божія въ чистомъ, цѣлостномъ видѣ, а принимала и читала его въ видѣ поврежденномъ (?); второй онъ находитъ не благопріятнымъ для сужденій о нашей церкви, особенно иномыслящихъ, и неблаговиднымъ и неполезнымъ для общаго чтенія. Самая попытка описателей критически изслѣдовать славянскій текстъ Библии представляется цензору чуть не дерзостью, посягающей на самую Библию. „Если бы описатели,—говоритъ онъ въ отзывѣ,—ограничились только одной библиографической цѣлю., то въ такомъ случаѣ несовершенства нашихъ древнихъ переводовъ Св. Писанія не были бы обнаружены... Но описатели пошли далѣе. Они вооружились ученой критикою и стали изслѣдовать и судить о достоинствѣ самыхъ переводовъ Св. Писанія., но нужно-ли это?“ Поэтому цензорская рецензія, на ряду съ другими исправленіями, предлагаетъ совсѣмъ исключить учено-критическую часть и подъ этимъ условіемъ только признаетъ, что Описаніе можетъ быть допущено къ печатанію. Отзывъ Іоанна ставилъ вопросъ о печатаніи Описанія съ самой критической его стороны. При той недовѣрчивости, съ какою у насъ относились къ опубликованію древне-церковныхъ памятниковъ, онъ могъ вызвать серьезное сомнѣніе въ томъ,—да нужно-ли, полезно-ли такое описаніе? Къ счастью для русской науки, Описаніе было близко и дорого Митрополиту Филарету, и не Іоанну было бороться съ нимъ. Отзывъ не рѣшилъ собой окончательно дѣла; его передали Филарету для соображеній...

Судя по перепискѣ А. В. Горскаго съ Невоструевымъ, весь этотъ эпизодъ съ разсмотрѣніемъ первой части Описанія въ Петербургѣ падаетъ на зимнюю сессію Св. Синода 1852—1853 г.г. А. В. Горскій, проводившій зиму въ Сергіевомъ посадѣ, вдали отъ всякихъ новостей, и К. П. Невоструевъ, поглощенный работами въ библиотекѣ, едва-ли что знали о немъ. Первое извѣстіе о судьбѣ ихъ работы привезъ Невоструеву Архіепископъ Казанскій Григорій, возвращавшійся изъ Петербурга весной 1853 года. Въ письмѣ къ А. В. Горскому отъ 22 Мая этого года Невоструевъ сообщаетъ

ему слѣдующее: „Высокопреосвященный Григорій въ проѣздъ чрезъ Москву требовалъ меня къ себѣ и, поговоривъ о прочемъ, сказалъ, что Описаніе наше въ Св. Синодѣ найдено удовлетворительнымъ и ему, Владыкѣ, особенно понравилось, но нѣкоторыя мѣста оказались рѣзкими къ тому, чтобы обнародовать оныя публикѣ, и только за этимъ судьба его въ Синодѣ окончательно не рѣшена, о чемъ Владыка Григорій приказалъ отписать Вамъ“. Преосв. Григорій, очевидно, скрасилъ дѣло, такъ что Горскій въ отвѣтномъ письмѣ Невоструеву не придавалъ особаго значенія его извѣстію и ограничился только благодарностью за сообщеніе ¹⁾. По-видимому, А. В. Горскій ознакомился съ подробностями рецензій Іоанна только съ прибытіемъ Митрополита въ Лавру въ Іюнь мѣсяцѣ 1853 г. на экзамены въ Академію. Не извѣстно, какое впечатлѣніе вызвало у обоихъ сотрудниковъ вмѣшательство Петербургскаго цензора; нашъ главный источникъ по этому дѣлу, переписка А. В. Горскаго съ Невоструевымъ,—какъ разъ на этомъ пунктѣ обрывается на все лѣто 1853 года, такъ какъ Невоструевъ къ Іюлю получилъ отпускъ на вакацію и, по приглашенію Горскаго, прежде всего явился къ нему. О такихъ дѣлахъ тогда говорили наединѣ.

Филаретъ рѣшилъ дать урокъ Іоанну. По его порученію, А. В. Горскій долженъ былъ спѣшно приняться за составленіе подробнаго объясненія на возраженія и гребованія цензорской рецензій. Хранящіяся въ акад. архивѣ его черновыя тетради отвѣта еще и теперь даютъ видѣть то, съ какою тщательностью велась эта работа. Проектъ отвѣта нѣсколько разъ пополнялся, исправлялся, переписывался,—быть можетъ, каждый разъ послѣ обсужденія его съ Митрополитомъ. За то и въ результатѣ получилось то, что съ правомъ можно назвать шедевромъ полемическаго искусства. Въ серіозномъ, ученоемъ, далекоемъ отъ всякихъ выходовъ тонъ отвѣтъ на рецензію Іоанна давалъ не только отпоръ на всѣ его замѣчанія, но и преслѣдовалъ противника до послѣдняго шага, изобличая преувеличенность его заключеній и коварность замысловъ. Онъ дѣйствительно являлся не только Апологіей Описанія, но и обличительнымъ

¹⁾ См. письмо А. В. Горскаго къ Невоструеву отъ 30 Мая 1853 г.

словомъ на Юанна. Отстаивая всѣ выводы Описанія касательно исторіи священнаго текста у насъ, отвѣтъ съ особенной энергіей защищаетъ ученую постановку труда, непоколебимыми доводами доказывая, что неблаговиднымъ и бесполезнымъ для общаго чтенія ихъ можетъ признать только ложное сужденіе и придиричивый взглядъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Апологія оставляетъ свой оффиціальныи тонъ и возвышается до лирическаго воодушевленія, поражая противника его же оружіемъ. На предложеніе устранить учено-критическую часть она отвѣчаетъ энергичными словами съ чувствомъ сознанія исполненнаго долга предъ церковью и наукой. „Подъ благовиднымъ предлогомъ прикрытія недостатковъ древняго текста,—говорится здѣсь,—рецензія устраняетъ изъ Описанія и всѣ другія изслѣдованія... Но когда любознательность ученыхъ уже касается вопросовъ, которымъ дано мѣсто въ Описаніи; когда и свѣтскіе ученые обращаютъ вниманіе на разности списковъ библейскихъ, на отношеніе ихъ къ греческому тексту; когда изслѣдованія о древнемъ переводѣ Св. Писанія могутъ быть производимы и по рукописямъ другихъ библиотекъ, кромѣ Синодальной;—приличнели, полезно-ли будетъ духовнымъ ученымъ устранять себя отъ дѣла, ближайшимъ образомъ относящагося къ области ихъ занятій? Если и безъ нихъ дѣло будетъ ведено правильно, не прискорбно-ли будетъ имъ видѣть себя предупрежденными отъ постороннихъ? Если же приметъ ложное направленіе, не представитъ-ли новыхъ трудностей въ борьбѣ за истину,—борьбѣ, для которой нужно приготовленіе?“... Неосновательная догадка рецензента, что списки съ латинскимъ вліяніемъ появились не въ центрѣ Россіи, а въ соприкосновенныхъ съ западнымъ міромъ окраинахъ ея, вызываетъ въ апологін справедливое негодованіе. „Итакъ, по мнѣнію рецензента, надлежало бы лишитъ Церковь Велико-Россійскую и тѣхъ списковъ Библии, какіе она доселѣ признавала своими, и наперекоръ свидѣтельствамъ подписей и языка, наперекоръ обстоятельствамъ историческимъ, приписать ихъ происхожденіе Литовскимъ и Польскимъ епархіямъ! Князь Острожскій нигдѣ не могъ найти полнаго списка Библии, какъ только въ Москвѣ; а мы, имѣя у себя не одинъ, а нѣсколько такихъ списковъ, которые гораздо ранѣе его времени, будемъ отъ нихъ отрекаться и произвольно искать

пмъ чужеземнаго происхожденія? Къ чему же наконецъ при-
ведеть такая критика? 1)“.

Надъ составленіемъ отвѣта на рецензію трудился одинъ
А. В. Горскій. Это видно не только изъ черновыхъ его те-
традей, но и изъ замѣчанія въ письмѣ къ И. Невоструеву
отъ 24 Іюня 1853 года. „У насъ уже настала вакація, — пи-
шетъ онъ здѣсь,—но я еще дня два или три пробуду въ по-
садѣ; приготавливаю отвѣтъ на рецензію С.-П.-Б.-скую, кото-
рый, показать вамъ и дополнивъ справками, долженъ пред-
ставить Владыкѣ“. Этимъ же лѣтомъ отвѣтъ былъ отосланъ
въ Св. Синодъ, а въ первыхъ числахъ Ноября Митрополитъ
уже увѣдомлялъ А. В. Горскаго чрезъ Невоструева, что
„представленное въ Синодъ Описаніе разрѣшено къ напе-
чтанію такъ, какъ оно есть и защищено нами, безъ исклю-
ченія изслѣдованія 2)“.

Рецензія Іоанна не достигла своей цѣли; но нельзя сказать,
чтобы она прошла совсѣмъ безслѣдно для Описанія. Въ од-
номъ отношеніи она имѣла даже благотворное послѣдствіе.
Между прочимъ Іоаннъ въ своемъ отзывѣ поставлялъ въ
обязанность составителямъ Описанія присоединить къ нему
введеніе, изъ котораго было бы видно, какими правилами
руководствовались они при разсмотрѣніи рукописей и суж-
деніи о нихъ. Это требованіе рецензіи было признано закон-
нымъ въ отвѣтъ на нее, при чемъ въ объясненіе отсутствія
введенія въ первой части Описанія указывалось на то, что
составители предполагали дать отчетъ о своихъ правилахъ
по окончаніи обзорѣнія всѣхъ рукописей. Введеніе къ пер-
вой части Описанія появилось, а затѣмъ оно стало прила-
гаться и ко всѣмъ дальнѣйшимъ частямъ. Если принять во
вниманіе, что Описаніе славянскихъ рукописей Синодальной
библіотеки не увидѣло конца, то можно быть благодарнымъ
Іоанну за его своевременный совѣтъ. Отразилась рецензія
и на содержаніи самого введенія въ той апологетической
тенденціи, которая явно выступаетъ въ немъ и стремится
предупредить возможные недоумѣнія, указанные Іоанномъ.
Наконецъ, согласно съ заявленіемъ отвѣта, къ заключитель-

1) Послѣдняя фраза: „къ чему и пр.“ зачеркнута карандашемъ въ доку-
ментѣ и, очевидно, не вошла въ бѣловую экземпляръ.

2) Письмо К. И. Невоструева къ А. В. Горскому, 1853, Ноябрь.

нымъ выводамъ къ разсмотрѣнію списковъ Ветхозавѣтныхъ книгъ, изложеннымъ на стр. 132 — 137 печатнаго изданія, прибавлены § 1, 2 и 3-й, тракующіе о томъ, что данныя Описанія не приводятъ къ отрицанію существованія у насъ въ глубокой древности Ветхозавѣтныхъ книгъ въ славянскомъ переводѣ. Первый параграфъ этихъ заключеній былъ, правда, и до рецензіи, но какъ показываетъ имѣющійся въ архивѣ А. В. Горскаго рукописный экземпляръ первой части Описанія, онъ содержалъ въ себѣ только слѣдующее: „полныя списки Синодальной библіотеки не могутъ подтверждать той мысли, что книги Ветхаго Завета изначала образовали у насъ одинъ составъ“—и только; далѣе слѣдовалъ теперешній четвертый параграфъ. Все же остальное, что имѣется теперь въ первомъ параграфѣ, начиная словами: „однако же и не представляютъ доказательствъ противъ извѣстности у насъ Ветхозавѣтныхъ книгъ въ полномъ и изначальномъ переводѣ“..., внесено подъ вліяніемъ рецензіи. Впрочемъ, указанными сейчасъ измѣненіями и ограничилось это вліяніе; всѣ остальные замѣчанія рецензіи оставлены безъ вниманія, какъ тому и слѣдовало быть. Даже статья объ Аріевомъ ледѣ ¹⁾, на исключеніе которой соглашался А. В. Горскій въ своемъ отвѣтѣ, вошла въ печать неприкосновенною.

Печатаніе первой части Описанія, какъ мы видѣли, разрѣшено было въ ноябрѣ 1853 года, но работы въ типографіи надолго затянулись. Нужно было отлить новый шрифтъ для извлеченій изъ славянскаго текста, а затѣмъ много времени отняла ревизія Синодальной библіотеки, производившаяся въ 1854 году. Описаніе увидѣло свѣтъ только осенью 1855 года. Оно встрѣчено было единодушнымъ признаніемъ его ученыхъ заслугъ. Первый отзывъ, подписанный инициалами „И. К-въ“, появился въ Журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія. Здѣсь говорилось объ Описаніи такъ: „къ чести русскаго имени вполне добросовѣстное разрѣшеніе задачи превзошло всѣ ожиданія: мы теперь имѣемъ образцовое въ своемъ родѣ твореніе, далеко превосходящее всѣ предшествовавшіе труды по части русскои библіографіи и долженствующее занять почетное мѣсто въ ряду современныхъ филологическихъ изслѣдованій. Только пламенная лю-

¹⁾ См. Описаніе, отд. I, стр. 321. 322.

бовъ къ наукѣ при обширной учености и неослабномъ терпѣніи могла дать силы составителямъ Описанія совершить этотъ по-истинѣ капитальный трудъ во славу русскаго имени и русской науки“. Въ заключеніи отзыва выражалась искренняя благодарность духовному начальству, доставившему возможность и средства выполнить этотъ замѣчательный трудъ ¹⁾. Дѣло было выиграно окончательно. Довольный одобрительной рецензіей Министерскаго журнала, Митрополитъ Филаретъ поспѣшилъ извѣстить о ней А. В. Горскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ нашелъ своевременнымъ ослабить ту осторожность, въ какой велось описаніе. Въ письмѣ къ ректору Академіи, Архимандриту Алексѣю, препровождая номеръ журнала съ рецензіей, онъ поручалъ сказать Горскому: „послѣ сего осторожность нашихъ описаній рукописей, думаю, должна быть обращена уже не на то, чтобы не смущать выставленіемъ иныхъ рѣдкостей, а на то, чтобы скромность описаній не дала повода обвиненію въ неточности и неполнотѣ ²⁾“.

Такъ благополучно закончилась исторія съ первою частию Описанія, поднятая Иоанномъ. Но этимъ благополучнымъ окончаніемъ она обязана Митрополиту Филарету. Не будь его,—повторимъ еще разъ,—во главѣ всего предпріятія, такой цензорскій отзывъ, какъ отзывъ Иоанна, могъ бы погубить собой все дѣло. Поручая К. П. Невоструеву поднести Митрополиту только что вышедшую изъ печати первую часть Описанія, А. В. Горскій писалъ: „прошу покорнѣйше Васъ представить ее отъ насъ Святителю, который указалъ намъ этотъ трудъ и постоянно руководилъ насъ своими совѣтами и ободрялъ милостивымъ вниманіемъ. *Мы помнимъ и будемъ помнить, что безъ его сильнаго слова не видать бы нашей книгѣ свѣта.* Представляя книгу, прошу все это изъяснить нашему Покровителю смѣлымъ голосомъ чистой, искренней благодарности, чтобы онъ видѣлъ въ этомъ не одинъ формальный обрядъ, но чтобы въ душѣ его ясно сказались наши чувства ³⁾“. Намъ думается, что это искреннее чув-

¹⁾ Журналъ Мин. народ. пресв., ч. 89, 1856 г., стр. 90—98.

²⁾ Письмо А. В. Горскаго къ К. П. Невоструеву отъ 9 окт. 1856 г. съ приложеніемъ выписки изъ письма Филарета къ ректору Алексѣю.

³⁾ Письмо къ К. П. Невоструеву отъ 20 Сент. 1855 года.

ство благодарности къ Митрополиту Филарету за защиту Описанія, выраженное А. В. Горскимъ, должно быть близко всякому, кто дорожить успѣхами русской науки.

1) Рецензія на „Описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной бібліотеки“.

Описаніе Славянскихъ рукописей въ Синодальной Московской бібліотекѣ находящихся есть трудъ, заслуживающій всякаго уваженія; оно составлено со всею тщательностью, обширною ученостью и точною отчетливостью. Описаніе это важно не только въ бібліографическомъ отношеніи, но и, можно сказать, въ церковно-историческомъ, потому что даетъ понятіе о состояніи книгъ св. Писанія въ нашей отечественной церкви отъ древнѣйшаго до позднѣйшаго времени. Но именно въ этомъ послѣднемъ отношеніи описаніе рукописей возбуждаетъ нѣкоторыя сомнѣнія, касательно возможности напечатать и издать оное въ настоящемъ видѣ. Ибо въ описаніи такого множества списковъ св. Писанія, относящихся къ разнымъ вѣкамъ, не встрѣчается ни одного списка вполне исправнаго; 1) во всѣхъ спискахъ, здѣсь описанныхъ, открываются весьма важные недостатки, таковы: различіе въ чтеніяхъ однихъ и тѣхъ же мѣстъ Св. Писанія, различіе въ переводахъ, произвольныя со стороны переводчиковъ и переписчиковъ измѣненія священнаго текста (ст. 25 об. 27 и об. 33. 37. 38. 49. 50. 52. 327. 405), опущенія, вставки, даже внесеніе ложныхъ толкованій, грубыя ошибки въ понятіяхъ, словахъ, выраженіяхъ. Подробное описаніе такихъ списковъ представляется неблаговиднымъ въ томъ отношеніи, что ведетъ или можетъ вести къ мысли, будто въ продолженіе столькихъ вѣковъ церковь наша не имѣла Слова Божія въ чистомъ, цѣлостномъ видѣ, а принимала и читала его въ видѣ поврежденномъ. Сами описатели рукописей приходятъ еще къ другому, не менѣе важному заключенію, что полное собраніе книгъ ветхозавѣтныхъ у насъ явилось, по всей вѣроятности, не ранѣе XV вѣка, и притомъ послѣдняго десятилѣтія его, а до того времени священныя книги у насъ не были даже и приведены въ одинъ составъ. Въ подтвержденіе сего описатели приводятъ и слова

Геннадія, Архіепископа Новгородскаго (XV вѣка) (Описан. стр. 183—4). Во 2) особенно замѣтно въ нашихъ переводахъ и въ составѣ Св. Писанія вліяніе латинскихъ изданій Библии, и преимущественно Вульгаты. Вліяніе это оказывается: а) въ названіяхъ и въ порядкѣ расположенія книгъ священныхъ, несогласно съ греческими изданіями, но вполне согласно съ Вульгатою (стр. 5. 7 и обор. 13 и 60); б) даже въ распорядкѣ самыхъ главъ нѣкоторыхъ книгъ (112); в) въ полномъ переводѣ весьма многихъ мѣстъ съ Вульгаты, такъ что не только нѣкоторыя книги въ цѣломъ составѣ переведены съ нея (61. 64. 107. 172), но и въ книгахъ, переложенныхъ съ греческаго, многія, части взяты изъ Вульгаты (72. 73. 78. 95. 131. 137. 144. 228); г) въ прямыхъ указаніяхъ по многимъ спискамъ на Вульгату, хотя и не называется она по имени (128 и проч.); д) большая часть предварительныхъ сказаній и разныхъ замѣчаній о священныхъ книгахъ переведены также съ латинскаго (стр. 58. 59. 61. 107. 171. 218. 263), съ именнымъ указаніемъ на западныхъ писателей, особенно Иеронима, названнаго здѣсь святымъ, о которомъ даже и нарочитое сказаніе въ нѣкоторыхъ спискахъ прилагается (стр. 57. 59. 79), также Августина, который называется божественнымъ (стр. 7 и 9). Кромѣ того внесены замѣчанія и другихъ, менѣе важныхъ западныхъ писателей, какъ то: Николая de Luga (III. 176. 263). Встрѣчаются между замѣчаніями этихъ писателей и неправильныя мнѣнія, какъ напр. отзывъ Иеронима о книгахъ Ездры (стр. 10 об.). Вліяніе латинское простирается до того, что въ нѣкоторыхъ спискахъ цѣлыя стихи изложены безъ перевода, латинскими словами, которыя только русскими буквами написаны (стр. 65. 71. 108. 132. 173). Нѣкоторые же списки Библии носятъ на себѣ печать вліянія нѣмецкихъ переводовъ (стр. 9. 218. 251). Въ 3) нѣтъ ни одного списка Св. Писанія, который въ переводѣ Ветхаго Завѣта былъ бы вполне составленъ по LXX толковникамъ, а въ изложеніи Новаго Завѣта соотвѣтствовать бы принятому нынѣ у насъ чтенію греческому, или славянскому изданію Библии, въ нашей Церкви нынѣ употребляемому (стр. 301. 303. 304. 413). За всѣмъ тѣмъ 4) списки, даже ближайшіе между собою по времени и мѣсту происхожденія, ни въ отношеніи одинъ къ другому не имѣютъ полного сходства, ни сами себѣ не остаются вѣрными. Одинъ и тотъ

же списокъ въ одномъ мѣстѣ слѣдуетъ такимъ изъ древнѣйшихъ рукописей или переводовъ, въ другихъ ближе подходитъ къ другому; даже одно и тоже слово, или выраженіе, въ одномъ мѣстѣ передается такъ, въ другомъ иначе. Таковъ вообще видъ, въ которомъ, по описанію Синодальной Библіотеки, представляется состояніе Св. Писанія въ нашей Церкви въ прежнія времена, и который, конечно, нельзя назвать благопріятнымъ для сужденій, особенно иномыслящихъ, о нашей Церкви. Для науки это не соблазнительно и невредно; изъ подробнаго описанія столькихъ рукописей наука можетъ извлечь не мало для себя пользы. Но благовидно ли и полезно будетъ издавать такое описаніе для общаго чтенія?

Вообще касательно такого описанія рукописей представляется нужнымъ замѣтить слѣдующее:

1) Описатели предположили въ своемъ трудѣ цѣль, не только собственно библіографическую, но учено-критическую. Еслибы они ограничились одною первою цѣлію, то довольно было бы описать время и мѣсто происхожденія, каждой рукописи, составъ ея, особенности языка, — каковое описаніе рукописей, и очень удовлетворительное находимъ напр. въ описаніи Музеума Графа Румянцева. Въ такомъ случаѣ несовершенства нашихъ древнихъ переводовъ Св. Писанія не были бы обнаружены, а могли бы быть обличены развѣ только при нарочитомъ чтеніи каждой рукописи, если бы кто захотѣлъ читать рукописи въ самой библіотекѣ. Но описатели ея пошли далѣе. Они вооружились ученою критикою и стали изслѣдовать и судить о достоинствѣ самыхъ переводовъ Св. Писанія, случая ихъ съ греческими и другими изданіями его. Въ такомъ случаѣ уже невозможно скрыть всѣхъ несправностей въ нашихъ переводахъ Библии. Но нужно ли это въ предположенномъ описаніи рукописей библіотеки? 2) Въ описаніи недовольно опредѣлительно разсматривается мѣсто происхожденія и употребленія рукописей. Конечно можетъ быть и нельзя съ точностью опредѣлить происхожденія и употребленія многихъ рукописей. Но если есть возможность доказать, что напр. списки священныхъ книгъ, наиболѣе подвергшіеся вліянію латинскому, имѣли свое происхожденіе и употребленіе въ мѣстахъ Литовскихъ, или польскихъ, или въ сопредѣльныхъ съ ними:

тогда это вліяніе объяснялось бы само собою и не было бы для православныхъ читателей странно. Даже не худо, казалось бы, отдѣлить такіе списки, подъ особую рубрику, отъ тѣхъ, которыхъ происхожденіе внутри Россіи несомнѣнно и которые свободнѣе отъ иноземнаго (вліянія. 3) Для сличенія и повѣрки списковъ описатели приняли за образцы два важнѣйшія изданія Св. Писанія въ Россіи: для ветхозавѣтныхъ книгъ изданіе Острожское; а для новозавѣтныхъ—Остромирово Евангеліе. Но не видно, чтобы преимущественное вниманіе обращено было на нынѣшнее наше изданіе Библии, какъ образецъ, такъ что въ нѣкоторыхъ спискахъ старыхъ описатели показываютъ болѣе близости къ греческому тексту, нежели въ нынѣшнемъ славянскомъ изданіи, въ нашей Церкви употребляемомъ, стр. 23. 376. 379. 380. 1. 414—15. Благовидно ли будетъ и это въ печати? 4) Общимъ и главнымъ недостаткомъ описанія можно считать то, что въ началѣ не приложено введенія, или предварительнаго объясненія: какаѣ задачи,—какаѣ цѣли предположена въ описаніи синодальной бібліотеки? какими правилами руководствовались описатели при разсмотрѣніи рукописей и сужденіи о нихъ? какія особенности или преимущества и какую важность въ Церкви имѣютъ тѣ списки Священнаго Писанія, которые приняты въ описаніи за образцы для сличенія и повѣрки всѣхъ рукописей, какъ-то изъ греческихъ списковъ Александрійскій и Ватиканскій, а изъ славянскихъ Острожскій и Остромировъ? Ибо это не всѣмъ, и ученымъ, извѣстно. Безъ такого предварительнаго объясненія, читателямъ трудно соображать замѣчанія, излагаемая въ описаніи рукописей.

2) Апологія „Описанія славянскихъ рукописей Синодальной бібліотеки“ и Слово обличительное на отца Іоанна (нынѣ Казанской Духовной Академіи ректора).

Такъ какъ въ рецензіи на описаніе Славянскихъ рукописей Синодальной бібліотеки нѣкоторыя обстоятельства совсѣмъ опускаются изъ вида, другія представляются въ преувеличенномъ видѣ: то нужно подробное разсмотрѣніе ея замѣчаній и ея требованій.

1) Въ первомъ пунктѣ рецензіи сказано: „во всѣхъ спискахъ, здѣсь описываемыхъ, открываются весьма важныя не-

достатки, каковы: различіе въ чтеніяхъ однихъ и тѣхъ же мѣстъ Св. Писанія, различіе въ переводахъ, произвольныя со стороны переводчиковъ и переписчиковъ измѣненія священнаго текста (ст. 25 об. 27 и об. 33. 37. 38. 49. 50. 52. 327. 405.), опущенія, вставки, даже внесеніе ложныхъ толкованій, грубыя ошибки въ понятіяхъ, выраженіяхъ. Подробное описаніе такихъ списковъ представляется неблагоприятнымъ въ томъ отношеніи, что ведетъ, или можетъ вести къ мысли—будто въ продолженіи столькихъ вѣковъ Церковь наша не имѣла слова Божія въ чистомъ цѣлостномъ видѣ, а принимала и читала оное въ видѣ поврежденномъ“.

Здѣсь описанію поставляется въ вину обнаруженіе недостатковъ древняго текста, которые все сводятся къ тремъ главнымъ разрядамъ: а) къ разности чтеній греческаго текста, которымъ слѣдовали наши списки, отъ общепринятыхъ нынѣ; б) къ разности перевода однихъ и тѣхъ же словъ греческихъ, и в) къ погрѣшностямъ переводчиковъ, исправителей и переписчиковъ.

Но а) разность чтеній греческаго текста не впервые обнаруживается описаніемъ. Уже въ предисловіи къ изданію Славянской Библии 1751 г. о различныхъ спискахъ Ветхаго Завѣта сказано было: „многіе различествующіе составы святаго Библии произошли, аще и не весьма съ собою не сходны: обаче въ многаяшихъ несогласны. И того ради зѣло трудно изслѣдиги, въ коемъ составѣ греческаго языка истинный 70-ти толковниковъ содержится“ (Издан. 1816. л. 6.).

Въ точныхъ переводахъ писаній Отцовъ Церкви необходимо обнаруживаются отступленія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ общепринятаго нынѣ св. текста, зависѣвшія отъ разности въ чтеніяхъ, и взаимно имѣвшія вліяніе на списки книгъ библейскихъ. И это простирается на книги какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта.

Въ изданіи Евангелія по списку Остромирову много найдется такихъ разностей въ чтеніи:—нѣкоторыя изъ нихъ и указаны въ описаніи. Но это не воспрепятствовало издать сіе Евангеліе безъ всякихъ измѣненій для ученыхъ цѣлей.

б) Что касается до „различія въ переводѣ“ оно болѣе или менѣе извѣстно всякому, кто занимался чтеніемъ древнихъ рукописей Св. Писанія. Никто, конечно, не воображаетъ, чтобы нашлась хотя одна древняя рукопись, которая пред-

ставляла бы текстъ той или другой священной книги совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ находимъ его въ печатныхъ изданіяхъ Библии.

Въ изданіяхъ древнихъ памятниковъ русской Церковной словесности, какъ то: въ словѣ Иларіона Митрополита Кіевскаго, въ словахъ св. Кирилла Туровскаго, въ древнихъ сказаніяхъ и словахъ, изданныхъ въ Христіанскомъ чтеніи, въ прибавленіяхъ къ изданію Твореній Св. Отцевъ, въ описаніи рукописей Румянцевскаго Музея и въ другихъ книгахъ, неизбежно встрѣчаются подобныя отступленія отъ общепринятаго нынѣ перевода, и никто этимъ различіемъ, зависѣвшимъ отъ свойствъ древняго языка и отъ способовъ разумѣнія Св. Писанія, какіе имѣли у себя первоначальные переводчики, не соблазняется.

Даже и въ нынѣшнихъ изданіяхъ Библии Славянской можно указать довольно такихъ мѣстъ, которыя въ нихъ объясняются инымъ переводомъ. Напр. Лук. 11, 24 въ текстѣ читается: *горе вамъ богатымъ: яко отстоитъ утѣшенія вашего*. Внизу страницы предложенъ иной переводъ послѣднихъ словъ: *яко воспріемлете утѣшеніе ваше*. Іоан. 15, 22: *Нынѣ же выны не имутъ о грѣсѣ своемъ*. Внизу: *извиненія*.— Рим. 11, 8; *Даде имъ Богъ духа умиленія*. Внизу: *даде имъ Богъ духа нечувствія*. Евр. 4, 6: *Понеже убо лишени ныци внити въ него*. Внизу: *остаеся нѣкимъ внити въ него*. Подобное объясненіе несовсѣмъ вразумительнаго перевода новымъ часто было допускаемо и въ древнія времена и было причиною разнообразія текста въ рукописяхъ: ибо здѣсь текстъ древній совсѣмъ былъ замѣняемъ новымъ для того, чтобы не подать повода переписчикамъ къ сбивчивости. Но отступленіе въ буквѣ, съ соблюденіемъ точности въ мысли, можетъ ли быть поставлено въ осужденіе нашимъ рукописямъ? А потому и указаніе такихъ разностей въ переводѣ можетъ ли быть предосудительно въ описаніи?

в) О погрѣшностяхъ въ переводѣ, въ исправленіяхъ разнаго рода, и въ перепискѣ древняго текста не было также неизвѣстно и до описанія Синодальныхъ рукописей. Подобное обличеніе несовершенствъ древняго текста можно видѣть въ предисловіи Св. Синода къ изданію Библии 1751 г., гдѣ о первоначальномъ изданіи Славянской Библии, Острожскомъ, сказано: „въ тойже Острожской (Библии) якоже при

печатаніи первомъ въ Москвѣ, тако и при нынѣшнемъ свидѣтельствѣ—премного не точію грамматическихъ, но и самой истинѣ противныхъ погрѣшеній усмотрѣно (л. 8 по изд. 1816)“. И потомъ для примѣра указано довольно погрѣшностей въ переводѣ разныхъ книгъ Св. Писанія, потребовавшихъ исправленія. Сличеніе рукописей съ Острожскимъ изданіемъ показало, что упомянутыя погрѣшности перешли въ Острожское изданіе изъ рукописей и что въ рукописяхъ такихъ погрѣшностей еще болѣе. Итакъ мысль о несовершенствѣ древняго текста не новая.

Изъ описанія каждый можетъ усмотрѣть только то, что замѣченные недостатки не всему переводу свящ. книгъ принадлежать въ одинаковой степени; напротивъ того въ немъ раскрыто, что многія книги переведены вообще исправно, напр., Пятюкнижіе Моисеево, 16 книгъ пророковъ и др. При этомъ сравнивая состояніе древняго текста съ тѣмъ изданіемъ, которое Св. Синодъ, послѣ тщательнаго изслѣдованія и исправленія, даровалъ Россійской Церкви назадъ тому сто лѣтъ, каждый благомыслящій читатель тѣмъ яснѣе уразумѣетъ достоинство сего изданія и воздастъ благодарность попечительности Архипастырей и другихъ ученыхъ мужей, занимавшихся очищеніемъ перевода Слова Божія отъ тѣхъ недостатковъ, какіе имѣлъ онъ прежде.

Когоже „можетъ привести описаніе къ той мысли, будто въ продолженіи столькихъ вѣковъ Церковь Россійская не имѣла Слова Божія въ чистомъ цѣлостномъ видѣ, а принимала и читала его въ видѣ поврежденномъ“? Православнаго читателя? Но онъ знаетъ, что пользуется исправленнымъ переводомъ Св. Писанія (а исправленіемъ предполагаются неточности и ошѣбки, которыя отчасти уже и обнаружены); и въ тоже время благопокорно вѣрить объявленію Св. Синода, который о своемъ изданіи Библии 1751 г. сказалъ: „сія нынѣ напечатанная не есть иная отъ прежде напечатанныя Библии въ Москвѣ, но сама таяжде, точію по греческомъ 70 толковниковъ переводѣ вѣрнѣе исправлена, а первопечатанная едва не до слова съ Острожской перепечатана. (Предислов. л. 3 изд. 1816).“ Сличеніе списковъ Библии съ Острожскимъ изданіемъ, представляемое въ описаніи, поможетъ православному читателю распространить тоже убѣжденіе въ единствѣ древняго и новаго текста и на

тѣ времена, когда Св. Писаніе извѣстно было у насъ только въ рукописяхъ.—Приверженецъ ли старины извлечетъ изъ описанія предполагаемое заключеніе?—Но сего и надлежало бы желать, чтобы онъ созналъ нужду исправленія въ своей старинѣ.

Вообще, обращая вниманіе на библейскія рукописи, имѣющія нужду защищать заботливость православной Церкви объ исправленіи церковныхъ книгъ найдетъ, особенно въ разсмотрѣніи тѣхъ книгъ Св. Писанія, которыя наиболѣе обращаются въ церковномъ употребленіи, сильное оружіе противъ неразумительной привязанности къ старинному тексту церковныхъ книгъ до исправленія. Изъ сличенія сихъ рукописей, представленнаго въ описаніи, онъ можетъ доказать 1) что исправленіе церковныхъ книгъ отнюдь не есть дѣло новаго только времени, что св. Церковь всегда стремилась къ тому, чтобы имѣть священныя книги въ совершеннѣйшемъ видѣ, и что нѣтъ достаточной причины, почему бы приверженецъ старины долженъ былъ остановиться на первоначальныхъ изданіяхъ, которыя и сами не представляютъ вполне текста первоначальной древности; 2) что по недостаточности средствъ въ древнія времена къ удовлетворительному во всѣхъ отношеніяхъ исправленію свящ. книгъ, былъ необходимъ новый тщательнѣйшій ихъ пересмотръ.

Здѣсь нельзя не обратить вниманія на нѣкоторые частныя примѣры недостатковъ древняго перевода, обнаруживаемыхъ въ описаніи, указываемые въ рецензій. Она указываетъ на замѣчанія о переводѣ книгъ царствъ (опис. стр. 49. 50. 52.) и о нѣкоторыхъ спискахъ Евангелія (стр. 327) и Апостола (стр. 405).

Въ переводѣ четырехъ книгъ царствъ усмотрѣно болѣе нецѣлостностей, нежели въ переводѣ предшествующихъ книгъ, и это раскрыто въ такой мѣрѣ, чтобы по представленнымъ примѣрамъ можно было ясно различить переводчика книгъ царствъ, отъ переводившаго Пятоникіе и др. книги. Недавно найдено историческое указаніе на переводъ книгъ царствъ, совершенный іеромонахомъ Григоріемъ при царѣ болгарскомъ Симеонѣ (въ нач. X ст.). Можетъ быть этотъ переводъ и вошелъ въ составъ разсматриваемаго собранія книгъ библейскихъ.

Объ одномъ изъ списковъ Евангелія (№ 30) въ описаніи сказано: „предъ всѣми прочими списками отличается своевольнымъ измѣненіемъ текста“, и въ доказательство сего приведено нѣсколько примѣровъ. Въ объясненіе такихъ не-исправностей списка прибавлено: „нѣкоторыя произошли отъ того, что писецъ не разбиралъ, или не понималъ словъ въ подлинникѣ, съ котораго списывалъ“—и это подтверждается еще примѣрами.—При такихъ замѣчаніяхъ, конечно, никто не будетъ считать грубыхъ погрѣшностей одного списка принадлежностію всѣхъ списковъ.

Въ списокѣ Апостола (№ 51), на который указываетъ рецензентъ, вѣроятно, остановила его вниманіе краткая статья объ Аріевѣ ледѣ (Ареопагѣ), помѣщенная *не въ текстъ*, а между предварительными статьями о писаніяхъ и жизни Апостоловъ. Въ этой статьѣ, какъ замѣчено и въ описаніи, содержится „неосновательное толкованіе“, будто Аріевъ ледъ назывался камень, на которомъ стоялъ Аріій, прельстившій Аѳинянь своимъ ученіемъ, — и здѣсь же Ап. Павелъ увидѣлъ икону Христа Спасителя, поставленную наряду съ идолами, и проповѣдывалъ язычникамъ Бога, ими невѣдомаго.— Конечно подъ именемъ Арія разумѣется здѣсь не еретикъ, а языческій Арей. Что же касается до иконы Спасителя, то неизвѣстный толкователь хотѣлъ этимъ объяснить, какимъ образомъ Апостоль могъ сказать язычникамъ, что онъ проповѣдуетъ Бога, *Его-же они невѣдуще чтутъ*. Впрочемъ, если сія краткая выписка подверглась осужденію рецензента, она можетъ быть исключена.

II. Въ первомъ же пунктѣ рецензін приписывается описанію, будто оно утверждаетъ, что „полное собраніе книгъ Ветхозавѣтныхъ у насъ явилось, по всей вѣроятности, не ранѣе XV вѣка, и притомъ послѣдняго десятилѣтія его, а до того времени свящ. книги у насъ не были даже и приведены въ одинъ составъ“. Такое заключеніе несправедливо приписывается описанію: въ немъ сказано только о томъ собраніи книгъ ветхозавѣтныхъ, которое находится въ трехъ спискахъ Синодальной бібліотеки, содержащихъ въ себѣ полную Библію, что оно составлено не ранѣе конца XV столѣтія, и именно въ Новгородѣ, при архіепископѣ Геннадіѣ. Составители описанія не увлеклись мнѣніемъ Пр. Митрополита Евгенія, который, на основаніи одного изъ сихъ трехъ

списковъ, сличеннаго съ Острожскимъ изданіемъ Библии, поспѣшно заключить, что „переводъ сей Библии новѣйшій въ время“. (Словар. о писат. Дух. ч. ч. II. с. 65). Тщательнымъ разборомъ всѣхъ книгъ ветхозавѣтныхъ они дознали, какія книги вошли въ это собраніе въ древнемъ первоначальномъ переводѣ, какія заимствованы изъ древнихъ же переводовъ толкованій, и какія переведены вновь около времени составленія сего полнаго собранія. Заключенію о сихъ послѣднихъ книгахъ, составленному непосредственно на основаніи собственныхъ изслѣдованій, впоследствии они нашли подтвержденіе въ одной изъ рукописей Г. Погодина, гдѣ указано и время перевода нѣкоторыхъ изъ сихъ книгъ, и даже сказано, кто именно трудился въ ихъ переводѣ ¹⁾).

Составители описанія нигдѣ не отвергали существованія полнаго перевода Библии, во время св. Кирилла и Меѳодія, или во время св. Владиміра, и не входили въ разсмотрѣніе сего вопроса, какъ не относящагося прямо къ ихъ дѣлу. Но по разсмотрѣніи трехъ полныхъ списковъ Библии, какія находятся въ Синодальной бібліотекѣ, могли бы повторить слова предисловія св. Синода къ изданію Библии 1751 года: „толикое сокровище около 580 лѣтъ (отъ времени св. Владиміра до изданія Острожскаго) убереженное, по толикихъ лѣтѣхъ, увы гибели невозвратныя, потеряно (л. 3 об. по изд. 1816).“ По крайнѣй мѣрѣ должны сказать, что между упомянутыми тремя списками его нѣтъ исполнѣ.

¹⁾ Въ рукописи Погодина, конца XV вѣка, послѣ 2-й Маккавейской книги того-же перевода, какой заключается и въ синодальныхъ полныхъ спискахъ находится слѣдующая приписка, которой начало съ угломъ листа оторвано:

(. . . М) акавейскій
 (преведошага) с латинскѣи азъзыка
 (на рѣс) кѣи лѣтѣи ѿ гѣ по сѣми
 (тысѣ) цахъ повелѣниѣ Гнѣ Пре
 (сц) нѣ ирѣиѣпа Генадіѣ ѿ

нѣкогого мѣвжа чтнѣ презвитерѣ паче мнѣха обѣтели сѣаго Домника, именемъ Бенѣамина, родомъ Словѣнина кѣдоущѣ латинскѣи азъзыкѣ и граматикѣ, кѣдоущѣ Шчасти и Греческаго азъзыка и Фрѣискѣ мѣца лѣгѣтѣ днѣ ѿ.

Впрочемъ для устраненія мысли, приписываемой въ рецензїи описанію, признается полезнымъ опредѣлительнѣе выразиться, что составленіемъ полнаго собранія Библии въ концѣ XV ст. въ Новгородѣ не отрицается существованіе таковаго же собранія у насъ въ болѣе совершенномъ видѣ еще во время св. Владиміра, и указать на нѣкоторыя мѣста лѣтописи пр. Нестора и другихъ древнѣйшихъ памятниковъ, гдѣ приводятся слова разныхъ книгъ Ветхаго Завѣта не по тому переводу, какой содержится въ упомянутыхъ трехъ спискахъ Библии. Можетъ быть по сѣмъ указаніямъ и найденъ будетъ этотъ переводъ въ рукописяхъ другихъ библиотекъ вполнѣ, или по частямъ. На семъ основаніи прилагается взамѣнъ стр. 181 и слѣд. описанія изложеніе заключительныхъ выводовъ изъ разсмотрѣнія ветхозавѣтныхъ книгъ по тремъ полнымъ спискамъ Библии — въ измѣненномъ видѣ.

III. Во второмъ пунктѣ рецензїи поставляется на видѣ то, что въ описаніи обнаруживается „вліяніе латинскихъ изданій Библии и преимущественно Вульгаты на переводъ и на составъ св. Писанія“ въ трехъ упомянутыхъ спискахъ. Дѣйствительно въ описаніи къ переводамъ съ латинскаго языка отнесены: предварительныя сказанія о св. Писаніи, переводы нѣкоторыхъ книгъ В. Завѣта и нѣсколько главъ и стиховъ въ книгахъ, переложенныхъ съ греческаго языка. Доказательства на это представлены очевидныя и противъ нихъ въ рецензїи не сдѣлано никакихъ возраженій.

Мысль о переводѣ нѣкоторыхъ книгъ и главъ В. Завѣта съ латинской Библии печатно была высказана и Пр. Митрополитомъ Евгеніемъ (словарь о писат. Дух. ч. ч. 11, с. 65.) ¹⁾. Тоже еще ранѣе сказано въ предисловіи св. Синода къ изданію Библии 1751 г. Исправляя изданіе Острожское, онъ положилъ: „книги Товита и Іудии цѣлыя превести вновь, съ Александрійскаго состава; понеже оныя въ сла-

¹⁾ Кроме того въ описаніи одного изъ трехъ списковъ синодальныхъ, изданномъ (при сочиненіи: о первоначальномъ переводѣ Св. Писанія на славянскій языкъ Кіевъ 1837 г.) по рукописи сего-же преосвященнаго, поимянно изчислены всѣ книги, переведенныя въ семь спискъ съ латинскаго, тѣже самыя, какія у составителей разсматриваемаго описанія Синод. рукописи. Только несправедливо къ нимъ причисляется и переводъ книги Есфирь, стр. 74, 75.

венской съ латинской Вульгаты преведены. Книгу 3-ю Ездры, яко на греческомъ діалектѣ нигдѣ не обрѣтающуюся, въ первопечатной-же съ Вульгаты переведенную, съ той-же Вульгаты исправивъ, положить на концѣ Священныя Библии по книгахъ Маккавейскихъ“. Здѣсь предисловіе говоритъ о переводѣ только трехъ книгъ съ латинскаго языка, потому что въ Острожскомъ изданіи прочія книги, переведенныя съ латинскаго, или исправлены по греческому тексту, или вновь переведены съ греческаго. Итакъ еще за сто лѣтъ до насъ объявлено было, что нѣкоторыя книги В. Завѣта въ славянской Библии, какую имѣли мы до исправленія, переведены были съ латинскаго языка. Да и нынѣ въ славянской Библии, предъ началомъ 3-й книги Ездры, печатается: „слѣдующая книга, нарицаемая третія книга Ездры, а по Вульгатѣ четвертая Ездры, перенесена въ конецъ Библии вини ради сея, яко на греческомъ діалектѣ оная не обрѣтается, точію на латинскомъ, и въ славянской Библии переведена съ Вульгаты, чего ради правлена сія книга по Вульгатѣ жь.“

Что допущено Св. Синодомъ по нуждѣ относительно третьей книги Ездры, тоже въ свое время допущено было въ Новгородѣ относительно сей-же и другихъ книгъ, не найденныхъ собирателями въ переводѣ съ греческаго языка. Можетъ быть не было у нихъ и греческаго текста сихъ книгъ, или не было переводчиковъ достаточно знающихъ сей языкъ. Но открылась нужда имѣть весь составъ свящ. книгъ на своемъ языкѣ. Еретики жидовствующие хвалились, что у нихъ есть вся Библия, какъ пишетъ Геннадій, Архіепископъ Новгородскій. Потому собиратели и рѣшились удовольствоваться переводомъ недостававшихъ у нихъ книгъ, хотя съ латинской Библии, для которой нашлся переводчикъ. вмѣстѣ съ тѣмъ переведены и предварительныя сказанія о книгахъ Св. Писанія не св. Аванасія Александрійскаго, не св. Іоанна Златоустаго, потому что ихъ надлежало бы переводить опять съ греческаго, но тѣ сказанія, какія нашлись при латинскомъ переводѣ Библии. Тогда же просмотрѣнъ переводъ и прочихъ ветхозавѣтныхъ книгъ и восполнены опущенія, особенно значительныя въ книгѣ пророка Іереміи; потому что древній переводъ сей книги, извлеченный изъ толкованія извѣстнаго еще въ первой половинѣ XI столѣтія, представлялъ многія опущенія. Вотъ какъ объясняется странное на

первый взглядъ вліяніе латинскаго перевода Библии на славянскую. Но все это въ описаніи относится,—надлежитъ повторить опять,—собственно къ Новгородскому, а не къ древнѣйшему, первоначальному собранію книгъ Ветхозавѣтныхъ, какое оставили славянскимъ племенамъ Св. Кириллъ и Меѳодій, но которое нынѣ вполне намъ неизвѣстно.

При этомъ описаніе не даетъ однакоже права представлять вліяніе латинской Библии на составъ библейскихъ книгъ въ нашихъ спискахъ,—въ преувеличенномъ видѣ.

„Вліяніе это,—говоритъ рецензія,—оказывается: а) въ названіяхъ и въ порядкѣ расположенія книгъ священныхъ, несогласно съ греческими изданіями, но вполне согласно съ Вульгатою (стр. 5. 7 и об. 13. 60).“

По такому представленію дѣла можно было-бы подумать, будто все или по крайней мѣрѣ большая часть книгъ въ славянскихъ спискахъ Библии носятъ названія латинскія, и будто порядокъ книгъ совершенно отступаетъ отъ принятаго въ греческой Библии. Не то оказывается на самомъ дѣлѣ.

Въ описаніи (стр. 5) замѣчено только, что для двухъ первыхъ книгъ Царствъ взяты „Еврейскія наименованія изъ латинскаго изданія Библии“, именно онѣ названы: 1 и 2 книги Самуила.—А что касается до порядка книгъ, то замѣчено только (л. 5) о книгахъ Маккавейскихъ, помѣщенныхъ послѣ книгъ пророческихъ, что онѣ „въ греческихъ рукописяхъ (а не изданіяхъ) обыкновенно помѣщаются вмѣстѣ съ прочими книгами историческаго содержанія, а не послѣ пророковъ“. На стр. 60 сказано еще о 3-й книгѣ Ездры, что въ нынѣшнемъ изданіи славянской Библии она помѣщена послѣ 3-й книги Маккавейской, а въ спискахъ согласно съ латинскимъ, изданіемъ (до Тридентскаго собора), послѣ 2-й книги Ездры. При этомъ само собою очевидно, что если книги сіи переведены съ латинскаго, а 3-я книга Ездры въ греческой Библии и не находится, то и мѣсто въ нашихъ спискахъ онѣ должны были занять тоже, какое имѣли въ латинскомъ изданіи.

Наконецъ, указанія на порядокъ книгъ, сдѣланныя на стр. 7. и об. и 13, относятся совсѣмъ къ иному предмету: ибо здѣсь говорится о томъ, въ какомъ порядкѣ исчисляются книги библейскія въ предварительныхъ сказаніяхъ къ Биб-

ліи, а не въ самыхъ спискахъ библейскихъ, которые тому порядку не слѣдуютъ.

Въ рецензійи говорится еще: (вліяніе латинской Библіи оказывается) „б) даже въ распорядкѣ самыхъ главъ нѣкоторыхъ книгъ (112)“.

Въ указанномъ мѣстѣ (стр. 112) о книгѣ Іисуса сына Сирахова сказано только, что „порядокъ и объемъ главъ 30—36, отступающіе въ греческихъ рукописяхъ отъ Вульгаты, приведены въ сообразность съ нею“. И если принять во вниманіе, что такая перестановка главъ и стиховъ признана правильною, и потому удержана и въ нынѣшнихъ изданіяхъ Библіи: то, безъ сомнѣнія, указаніе на такой частный случай ни въ комъ не возбудитъ неблагопріятнаго впечатлѣнія.

Рецензія говоритъ: (вліяніе латинской Библіи оказывается) в) „въ полномъ переводѣ весьма многихъ мѣстъ съ Вульгаты, такъ что не только нѣкоторыя книги въ цѣломъ составѣ переведены съ нея (61. 64. 107. 172), но и въ книгахъ переведенныхъ съ греческаго многія части взяты изъ Вульгаты (72. 73. 78. 95. 131. 137. 144. 228)“.

Изъ числа 75 книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта, помѣщенныхъ въ полныхъ спискахъ Библіи, переведено съ латинскаго въ цѣломъ составѣ 11-ть, и именно: двѣ Паралипомонъ, три Ездры, Неемія, Товія, Юдинонь, премудрость Соломонова и двѣ книги Маккавейскія.

Что касается до отдѣльныхъ главъ и стиховъ, переведенныхъ также съ латинскаго, то въ описаніи замѣчено, что нѣкоторыя изъ нихъ извѣстны также въ переводѣ съ греческаго и помѣщены въ полныхъ спискахъ, только на другомъ мѣстѣ, или же находятся въ другихъ спискахъ. Такъ на стр. 72 сказано, что три стиха 10 главы Есѣири, которыми оканчивается сія книга на еврейскомъ, въ полныхъ спискахъ переведенныя съ латинскаго, въ отдѣльныхъ спискахъ сей книги приводятся въ переводѣ съ того-же текста, съ каковаго переведена и вся половина книги еврейская.

Стр. 95. Въ книгѣ Притчей 29, 27 и 30, 1—14 переведены съ латинскаго, но по греческому распорядку, тѣже самые стихи помѣщены въ XXIV главѣ въ переводѣ съ греческаго.

Стр. 144. Пророка Іезекіиля гл. 45, 46 переведены съ ла-

тинскаго, но помѣщенъ и переводъ ихъ съ греческаго, только ниже въ 48 главѣ.

Затѣмъ изъ числа указанныхъ въ рецензїи мѣстъ, переведенныхъ съ латинскаго, только дополнительные части въ книгѣ Есѣрии и 1—25 и 46—51 главы въ книгѣ Іеремїи не нашлись въ полныхъ спискахъ Библии въ переводѣ съ греческаго.

Рецензія прибавляетъ: (вліяніе латинской Библии оказывается) г) „въ прямыхъ указанїяхъ по многимъ спискамъ на Вульгату, хотя и не называется она по имени (228 и пр.).“

Здѣсь напрасно говорится о многихъ спискахъ: ибо дѣло идетъ объ одномъ списокѣ Библии, правленомъ учеными XVIII столѣтія, только раздѣленномъ на 8 томовъ, гдѣ изданіе латинской Библии неоднократно приводится исправителями во свидѣтельство.—Но соображеніе съ древнимъ переводомъ Библии латинскимъ при исправленїи первопечатнаго славянскаго изданїя,—равно какъ и съ другими древними переводами и оригинальнымъ текстомъ Ветхаго Завѣта, конечно, не можетъ быть поставлено въ предосужденіе исправителямъ, а слѣдовательно и описанію, которое перечисленіе сихъ пособій замѣствовало изъ собственноручныхъ замѣтокъ исправителей.

д) „Большая часть предварительныхъ сказанїй и разныхъ замѣчанїй о священныхъ книгахъ переведены также съ латинскаго (58. 59. 61. 107. 171. 218. 263) съ именнымъ указанїемъ на западныхъ писателей особенно Іеронима, названнаго здѣсь святымъ, о которомъ даже и нарочитое сказаніе въ нѣкоторыхъ спискахъ прилагается (57. 59. 79), также Августина, который называется божественнымъ (7 и 9)“.

Кромѣ предварительныхъ сказанїй, помѣщенныхъ въ началѣ и оглавленїя книгъ библейскихъ съ предисловіями на нѣкоторыя книги Новаго Завѣта, помѣщеннаго на концѣ полныхъ списковъ Библии,—въ описанїи къ переводамъ съ латинскаго отнесены краткія сказанїя, взятая по большей части изъ писемъ блаженнаго Іеронима, предъ нѣкоторыми книгами переведенными съ латинскаго. Затѣмъ всѣ сказанїя помѣщенные предъ книгами и послѣ книгъ пророковъ, большихъ и меньшихъ, и всѣ сказанїя о книгахъ новозавѣтныхъ, находящіяся предъ текстомъ каждой въ полныхъ спис-

какъ Библии и въ частныхъ, какъ показываетъ описаніе, принадлежать къ переводамъ съ греческаго.

Наименованія—блаженнаго Иеронима святымъ,—Августина божественнымъ,—встрѣчаются въ тѣхъ-же сказаніяхъ, о переводѣ которыхъ съ латинскаго уже сказано. При этомъ должно замѣтить, что Иеронимъ въ переводѣ называется Герасимомъ и по нѣкоторымъ памятникамъ XVI и XVII ст. извѣстно, что его считали у насъ за одно лицо съ пр. Герасимомъ иже на Иорданѣ. Можетъ быть это смѣшеніе лицъ и расположило удержать въ переводѣ при имени Герасима, или Иеронима, наименование-святаго, а вмѣстѣ облегчило доступъ въ Новгородское собраніе книгъ библейскихъ переводамъ съ Иеронимова перевода Библии.

Какъ бы то ни было, но отцы церкви римской Иеронимъ и Августинъ, отличены и въ православной Церкви наименованіемъ блаженныхъ; слова ихъ съ уваженіемъ приводятся въ предисловіи къ изданію Библии 1751 г. и описаніе, указывая источникъ, изъ котораго заимствованы вышеприведенныя наименованія т. е. латинское изданіе Библии, никого не введетъ въ заблужденіе, касательно должнаго уваженія къ тѣмъ лицамъ.

„Кромѣ того внесены замѣчанія и другихъ, менѣе важныхъ западныхъ писателей, какъ то Николая de Lyra (III, 176, 263)“.

На стр. 111 и 176 дѣйствительно указаны два краткіе отрывка изъ его толкованія, помѣщенные послѣ переводовъ съ латинскаго книги Премудрости Соломоновой и 2-й книги Маккавейской. Но это замѣчаніе можетъ только вести ученаго изслѣдователя къ заключенію, съ какого изданія сдѣланъ переводъ упомянутыхъ книгъ.

„Встрѣчаются между замѣчаніями этихъ писателей и не правильныя мнѣнія, какъ напр. отзывъ Иеронима о книгахъ Ездры стр. 10 об.“.

Но этотъ отзывъ не выписанъ ни по славянски, ни по латыни, а только упомянуть, какъ доказательство, что предварительное сказаніе на Библию, гдѣ онъ приводится, переведено съ латинскаго. При этомъ отзывъ Иеронима относится къ книгамъ Ездры, по латинской Библии, 3-й и 4-й, у насъ 2-й и 3-й, изъ коихъ ни та, ни другая не причисляются къ каноническимъ книгамъ Ветхаго Завета.

„Вліяніе латинское простирается до того, что въ нѣкоторыхъ спискахъ цѣлые стихи изложены безъ перевода, латинскими словами, которые только русскими буквами написаны (стр. 65. 71. 108. 132. 173)“.

Словъ латинскихъ, оставленныхъ безъ перевода въ вышеупомянутыхъ книгахъ, переведенныхъ съ латинскаго много: но цѣлыхъ стиховъ—въ описаніи не замѣчено.

„Нѣкоторые же списки Библии посятъ на себѣ печать вліянія нѣмецкихъ переводовъ (стр. 9. 218. 251.)“.

Въ описаніи стр. 9 и 218 говорится объ одномъ сказаніи, переведенномъ съ нѣмецкаго; но нигдѣ не замѣчено вліяніе нѣмецкаго перевода Библии на славянскій и такихъ списковъ не найдено. На стр. 251 говорится только о частномъ, позднѣйшемъ и тогда-же отвергнутомъ переводѣ Псалтыри съ нѣмецкаго.

Итакъ, что-же открывается изъ разсмотрѣнія сихъ раздробленныхъ замѣчаній? Не болѣе того, что сказано выше. При составленіи полного списка Библии на славянскомъ языкѣ въ Новгородѣ, удержаны были въ переводѣ съ греческаго всѣ книги, сохранившіяся отъ древнихъ временъ, или какія можно было извлечь изъ толкованій. Затѣмъ книги не отысканныя въ переводѣ съ греческаго, ни въ толкованіяхъ, равно какъ и мѣста въ нѣкоторыхъ книгахъ переведенныхъ съ греческаго, по какимъ-либо обстоятельствамъ, не найденныя въ семъ переводѣ, — переведены съ латинскаго. Также точно поступили собиратели Новгородскіе и съ переводомъ сказаній: оставивъ неприкосновеннымъ переведенное съ греческаго, приложили къ тому нѣкоторыя новыя статьи, заимствованныя изъ латинской Библии.

IV. Третій пунктъ рецензій содержитъ въ себѣ выводъ изъ двухъ предыдущихъ ея пунктовъ. Указавъ замѣченныя въ описаніи разности въ спискахъ библейскихъ и вліяніе латинской Библии на Новгородское собраніе священныхъ книгъ, авторъ рецензій справедливо могъ вывести такое заключеніе: „нѣтъ ни одного списка Св. Писанія, который въ „переводѣ Ветхаго Завѣта былъ бы вполне составленъ по „LXX толковникамъ, а въ изложеніи Новаго Завѣта соотвѣтствовалъ бы принятому нынѣ у насъ чтенію греческому, или славянскому изданію Библии, въ нашей Церкви нынѣ „употребляемому“.

Изъ предисловія къ изданію Библии 1751 г. извѣстно, что надъ приготовленіемъ сего изданія трудилось назначенное при Государѣ Императорѣ Петрѣ 1-мъ общество ученыхъ мужей одиннадцать лѣтъ. Потомъ при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ исправленный списокъ снова былъ пересмотрѣнъ въ Св. Синодѣ. Что-же удивительнаго, что въ рукописяхъ текстъ, оставшійся не правильнымъ, найденъ несходнымъ съ исправленнымъ печатнымъ изданіемъ? И если бы нашелся хотя одинъ списокъ во всемъ сходный съ печатнымъ изданіемъ: тогда напрасно было бы предпринимать тяжкій и продолжительный трудъ исправленія.

V. Въ четвертомъ пунктѣ рецензіи указывается на несогласіе списковъ между собою, но въ такихъ общихъ чертахъ, что можно было-бы подумать, будто въ описаніи всѣ списки Ветхаго и Новаго Завѣта представляются одинаково разнорѣчными между собою. Такое мнѣніе несправедливо было бы усвоить описанію. Три полные списка Библии столько сходны между собою, что въ описаніи признано за нужное разсматривать ихъ всѣ вмѣстѣ. Рукописи, содержащія въ себѣ книги Ветхаго Завѣта по частямъ, представляютъ текстъ по большей части согласный съ помѣщеннымъ въ полныхъ спискахъ Библии. Больше разнообразія между списками Евангелія и Апостола: но и здѣсь въ описаніи указанъ предѣлъ, до котораго простирается сіе разнообразіе: именно съ XV столѣтія текстъ въ спискахъ Евангелія и Апостола становится однообразнѣе. Указанъ также въ описаніи списокъ Евангелія, писанный въ Константинополѣ въ концѣ XIV вѣка, который представляетъ текстъ въ ближайшемъ сходствѣ съ принятымъ нынѣ, и въ этомъ открытъ слѣдъ вліянія, послужившаго къ дальнѣйшему сближенію списковъ между собою. — При всемъ томъ, можетъ быть, справедливо было бы присовокупить въ описаніи догадку, что въ Синодальной библіотекѣ, прежде бывшей патриаршею, нарочито собраны списки разныхъ мѣстъ и временъ, различающіяся между собою по чтеніямъ, чтобы при первомъ изданіи новозавѣтныхъ книгъ въ печати были въ виду всѣ сіи разности и могли быть избраны лучшія чтенія.

VI. За изложенными замѣчаніями о недостаткахъ описанія, въ рецензіи слѣдуютъ четыре предложенія о средствахъ къ ихъ устраниенію.

Во первыхъ предлагается: чтобы несовершенства нашихъ древнихъ переводовъ Св. Писанія не были обнаруживаемы, не нужно-ли совсѣмъ исключить изъ описанія часть учено-критическую и ограничиться только описательною, показывая время и мѣсто происхожденія каждой рукописи, составъ ея и особенности языка?

Но 1) послѣ того какъ объяснено выше, какого рода сѣи несовершенства, дѣйствительно ли они, безъ описанія, никому не были извѣстны, какое употребленіе можетъ сдѣлать изъ предлагаемыхъ въ описаніи изслѣдованій защитникъ Православія противъ неразумительныхъ приверженцевъ старины, предлагаемая мѣра не представляется необходимою.

2) Подъ благовиднымъ предлогомъ прикрытія недостатковъ древняго текста, рецензія устраняетъ изъ описанія и всѣ другія изслѣдованія: тогда какъ, при извѣстномъ мнѣніи объ утратѣ первоначальнаго перевода ветхозавѣтныхъ книгъ, представляются необходимыми вопросы: откуда-же взялись у насъ переводы ветхозавѣтныхъ книгъ въ полныхъ спискахъ Библии и въ отдѣльныхъ рукописяхъ? Что составляетъ первоначальную основу нынѣшняго нашего кодекса св. книгъ? Въ какой мѣрѣ древніе переводы могли удовлетворять спасительному желанію знать Слово Божіе? — Всѣ сѣи вопросы, разрѣшаемые слѣченіемъ списковъ между собою, ближайшимъ разсмотрѣніемъ древности перевода каждой книги, повѣркою перевода съ подлинникомъ, авторъ рецензіи хочетъ изгнать изъ описанія подъ наименованіемъ учено-критической работы. — Описаніе представляетъ убѣдительныя доказательства, что Пятокнижіе Моисеево, книги Іисуса Навина, Судей, Руѣи извѣстны у насъ въ переводѣ глубокой древности; что текстъ книгъ пророческихъ извлеченъ изъ перевода толкованій на Пророковъ, который извѣстенъ у насъ еще въ первой половинѣ XI столѣтія; что также извлеченъ изъ древнихъ переводовъ и текстъ книги Іова и Пѣсни Пѣсней, что книга Есѣи переводена съ еврейскаго языка. Авторъ рецензіи, не опровергая ни чѣмъ этихъ выводовъ, не хочетъ дать имъ мѣста въ описаніи. Ужели же лучше оставаться при той мысли, что первоначальный переводъ ветхозавѣтныхъ книгъ потерянъ, а новый явился не извѣстно какъ и когда?

3) Когда любознательность ученыхъ то въ своихъ филоло-

гическихъ изслѣдованіяхъ, то въ разысканіяхъ историческихъ, уже касается вопросовъ, которымъ дано мѣсто въ описаніи; когда и свѣтскіе ученые обращаютъ вниманіе на разности списковъ библейскихъ, на отношеніе ихъ къ греческому тексту ¹⁾; когда изслѣдованія о древнемъ переводѣ Св. Писанія могутъ быть производимы и по рукописямъ другихъ библиотекъ, кромѣ синодальной: прилично ли и полезно ли будетъ духовнымъ ученымъ устранять себя отъ дѣла, ближайшимъ образомъ относящагося къ области ихъ занятій? Если и безъ нихъ дѣло будетъ ведено правильно, не прискорбно-ли будетъ имъ видѣть себя предъупрежденными отъ постороннихъ? Если приметъ ложное направленіе,— не представитъ-ли новыхъ трудностей въ борьбѣ за истину,— борьбѣ, для которой нужно приготовленіе? Авторъ рецензій указываетъ составителямъ описанія Синодальныхъ рукописей, какъ на образецъ, на описаніе Румянцевскихъ рукописей Г. Востокова.—Однако и у него, хотя слегка обращается вниманіе на разности списковъ Св. Писанія, на разности переводовъ его (Опис. Румянц. Муз. Рк. 104, 106). Но благомыслящій изслѣдователь, издавая Евангеліе по списку Остромирову, самъ предоставляетъ объясненіе подобныхъ разностей богословамъ.

Накопецъ 4) Св. Синодъ, какъ изъяснено въ указѣ его 30 іюля 1849 г. № 8464, призналъ за нужное составить „полное ученое описаніе славянскихъ рукописей синодальной библиотeki и утвердилъ предварительно начертанный для сего планъ, въ которомъ между прочимъ было сказано: пунктъ 11, „при разсмотрѣніи рукописей особенное вниманіе должно быть обращено на ихъ содержаніе и древность. Чѣмъ древнѣе рукопись, и чѣмъ важнѣе она по своему содержанію въ отношеніи къ Церкви и ея исторіи, тѣмъ болѣе заслуживаетъ внимательнаго разсмотрѣнія“. Тотъ и другой характеръ вполне принадлежитъ рукописямъ библейскимъ. Посему и нужно было, чтобы онѣ разсмотрѣны были въ описаніи съ нарочитою полнотою. Одно наблюденіе за особен-

¹⁾ Калайдовичъ въ соч. Іоаннъ Екзархъ Болгарскій, Москва 1824 стр. 27 и 107. Новицкій, въ соч. „о первоначальномъ переводѣ Св. Писанія на славянскій языкъ“ Кіевъ 1837. Кн. Оболенскій въ предисловіи къ Лѣтописцу Переяславля Суздальскаго. Москва 1851. стр. LXXXVII и слѣд.

ностями языка, допускаемое и рецензію,—не удовлетворяло бы сему требованію, особенно если бы не было подчинено другимъ высшимъ вопросамъ, напр. вопросу о древности перевода той или другой книги.

Во вторыхъ авторъ рецензіи предлагаетъ точнѣе опредѣлить мѣсто происхожденія тѣхъ рукописей, въ которыхъ болѣе замѣтно вліяніе латинской Библии и даже отдѣлить ихъ въ описаніи подь особую рубрику.

Но всего болѣе замѣтно вліяніе латинской Библии въ полныхъ спискахъ ея славянскаго перевода. Изъ нихъ старшій писанъ въ Новгородѣ, слѣдующія за нимъ въ Волоколамскомъ монастырѣ. Объ этомъ свидѣлствуютъ несомнѣнныя подписи. Итакъ, по мнѣнію рецензента, надлежало бы лишить Церковь Велико-россійскую и тѣхъ списковъ Библии, какіе она доселѣ признавала своими, и, наперекоръ свидѣтельствамъ подписей и языка, наперекоръ обстоятельствамъ историческимъ, приписать ихъ происхожденіе литовскимъ и польскимъ епархіямъ. Князь Острожскій нигдѣ не могъ найти полнаго списка Библии, какъ только въ Москвѣ: а мы, имѣя у себя ни одинъ, а нѣсколько такихъ списковъ, которые гораздо ранѣе его времени, будемъ отъ нихъ отрекаться и совершенно произвольно искать ихъ чужеземнаго происхожденія? Изъ чему же, наконецъ, приведетъ такая критика?

Если же требованіе рецензента прямо упадетъ на книги въ полныхъ спискахъ Библии, переведенныя съ латинскаго: то какъ ихъ выдѣлить изъ рукописей? Какъ подвести подь особую рубрику дополненія въ нѣкоторыхъ главахъ?

Въ третьихъ, замѣчая, что въ описаніи рукописи сличаются въ ветхозавѣтныхъ книгахъ съ Острожскимъ изданіемъ Библии, а въ Новомъ Завѣтѣ съ Евангеліемъ по списку Остромирову, авторъ рецензіи высказываетъ желаніе, чтобы сличеніе было производимо съ общепринятымъ нынѣ изданіемъ славянскихъ переводовъ Св. Писанія.

Указанія на Острожское изданіе и на списокъ Остромировъ допущены по уважительнымъ причинамъ. Острожское изданіе есть самое ближайшее къ рукописямъ, которыя разсматриваются въ описаніи. Имъ объясняется переходъ библейскаго текста отъ рукописей къ нынѣшнему, совершеннѣйшему его состоянію въ исправленныхъ изданіяхъ Библии.

лин. Нарушать эту историческую связь не позволяют ни методъ ученаго изслѣдованія, ни образъ дѣйствованія Св. Синода, который это наданіе, перепечатанное въ 1663 г. въ Москвѣ, принялъ въ основаніе своего исправленнаго. Евангеліе по списку Остромирову приводится въ описаніи, какъ старшая изъ Евангелійскихъ рукописей на славянскомъ языкѣ. Изслѣдователь древняго текста Евангелійскаго допустилъ бы погрѣшность неизвинительную, если бы не воспользовался симъ спискомъ, посредствомъ печати сдѣлавшимся для всѣхъ доступнымъ.

Между тѣмъ составители описанія постоянно имѣли въ виду и тотъ текстъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта, который находится въ исправленномъ изданіи Славянской Библии, и если не всегда приводили его слова,—то съ намѣреніемъ не увеличивать безъ нужды объема описанія. Опущеніе нынѣшняго славянскаго текста представлялось тѣмъ удобнѣе, что онъ замѣняемъ былъ постоянно приводимыми словами греческаго текста, съ которымъ, при исправленіи, приведенъ въ точное соглашеніе. Греческими же чтеніями объяснялись и многія особенности древняго перевода,—чего нельзя было бы показать, приводя одинъ только нынѣшній славянскій текстъ.

Рецензентъ прибавляетъ: „въ нѣкоторыхъ спискахъ старыхъ описатели показываютъ болѣе близости къ греческому тексту, нежели въ нынѣшнемъ славянскомъ изданіи, въ нашей церкви употребляемомъ, стр. 23. 376. 379. 380. 381. 414—415“.

Въ описаніи нигдѣ не говорится о предпочтительной близости списковъ къ греческому тексту въ сравненіи съ общепринятымъ нынѣ переводомъ. На указанныхъ страницахъ представляются примѣры, гдѣ списки, слѣдуя извѣстнымъ греческимъ рукописямъ, отступаютъ отъ упомянутаго перевода. Но это не значитъ того, что списки здѣсь ближе къ тексту греческому, нежели общепринятый переводъ. И списки и печатный текстъ равно могутъ быть близки къ греческому тексту. Представимъ примѣры изъ описанія: въ спискахъ Апостола, расположенныхъ по чтеніямъ церковнымъ. 1 Кор. 4, 16 читается такъ: послѣдницы ми будете. Въ общепринятомъ нынѣ переводѣ: подобни мнѣ бывайте, *якоже азъ Христу*. Послѣднихъ словъ въ спискахъ нѣтъ.

Въ объясненіе сего въ описаніи замѣчено, что слова сін опускаются и по нѣкоторымъ спискамъ греческимъ, приведеннымъ у Шольца. Но въ другихъ спискахъ они находятся, и потому встрѣчаются въ извѣстномъ нашемъ переводѣ.—2 Кор. 5, 14: аще любы Божія (вм. Бога, Θεῶ) сдержитъ насъ изволившаго се, яко единъ за вся умре. Нынѣ: *любы Божія обдержитъ насъ суждшихъ сіе* и проч. Въ греч. рукописяхъ представляются здѣсь два чтенія: *κρίαντος* и *κρίαντας*. Списокъ имѣлъ въ виду первое чтеніе и отнесши слово *κρίαντος* къ Θεῶι, перевелъ: Божія (вм. Бога) изволившаго. Нынѣшній печатный текстъ слѣдуетъ второму чтенію и, справедливо отнесши *κρίαντας* къ ближайшему *ἡμῶς*, переводитъ: насъ суждшихъ. Переводъ въ обоихъ случаяхъ близокъ къ греческому, только по разнымъ его чтеніямъ. Даже большинство рукописей, которому иногда слѣдуютъ списки, еще не означаетъ преимущества ихъ чтеній, и нигдѣ не представляется съ такой стороны въ описаніи. Извѣстно, что слова 1 Іоан. 5, 7. о трехъ свидѣтельствующихъ на небеси не имѣютъ въ свою пользу большинства греческихъ рукописей, но тѣмъ не менѣе филологическія доказательства, въ соображеніи съ нѣкоторыми свидѣтельствами западной церкви, сильно защищаютъ общепринятое нынѣ чтеніе.

Позднѣе требованіе автора рецензіи, чтобы къ описанію приложено было введеніе, объясняющее цѣль и правила, служившія руководствомъ при описаніи, представляется вполне сообразнымъ съ существомъ дѣла. И если не было выполнено составителями описанія ранѣе, то потому, что по окончаніи обзорнія всѣхъ рукописей синодальныхъ, предполагали они составить общее введеніе къ своему описанію, гдѣ надлежало объяснить общія правила, какими они руководствовались при описаніи, съ примѣненіемъ ихъ къ тому или другому разряду рукописей.
